

ПОГРЕБЕНИЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ С ОСТАТКАМИ КОСТЮМА ДЕВОЧКИ-КОЧЕВНИЦЫ НА НИЖНЕМ ПСЛЕ

Длительное время история и археология лесостепного Левобережья Днестра монгольской эпохи практически совсем не имела четких ориентиров. Интерпретация отдельных, уже известных, памятников не выходила за пределы предположений или неуверенных догадок относительно появления последних на землях, расположенных к северу от устья Ворсклы. Даже в широко известном исследовании исторической географии золотоордынских территорий В.Л.Егоров посвятил теме существования на Левобережье Днестра отдельных поселений или некрополей XIV в. не больше двух страниц (Егоров В.Л., 1985, с.86-87). С новыми открытиями состояние дел изменилось к лучшему, а проблеме наличия на этой территории золотоордынского населения, его контактам с постдревнерусскими соседями в лесостепном междуречье Орели, Ворсклы, Псла, Сулы и Сейма было посвящено несколько научных работ (Беляева С.О., Кубишев А.И., 1995, с.9-50; Приймак В.В., 2003, с.111-138; Супруненко О.Б., Мироненко К.М., 2003; Супруненко О.Б., Кулатова И.М., Мироненко К.М., 2004, с.116-119; Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004).

Актуальность подготовки нового исследования, посвященного публикации результатов раскопок уникального погребального комплекса золотоордынского времени у г.Комсомольск Полтавской обл., обусловлена осуществленными в этом микрорегионе Днепровской левобережной террасовой лесостепи масштабными охранными работами, связанными с проектированием и сооружением карьера Еристовского месторождения железистых кварцитов ОАО "Полтавский горно-обогатительный комбинат". Накануне и в ходе этих работ в микрорайоне выявлены и исследованы несколько выразительных погребений кочевников 2-й пол. XIII – XIV в. (Мироненко К.М., Шилов Ю.О., 2003; Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004), а в результате сплошных разведок и охранных раскопок 2003-2005 гг – курганный и грунтовой некрополи золотоордынского времени (Старожитності..., 2005).

Кочевническое погребение 1, обнаруженное в 2003 г в кургане 9, в составе группы I Стовбуватой Могили у с.Волошино Дмитровского сельского совета г.Комсомольск. дало исключительно важные и

во многом уникальные находки фрагментов одежды, обуви, предметов быта, довольно выразительные антропологические материалы, которые проливают свет не только на определенные черты погребального обряда, идеологию обитателей степей эпохи развитого средневековья, но и на состояние здоровья населения той поры, а также представляют объективные данные о костюме ребенка золотоордынского времени. Именно поэтому культурно-хронологическая атрибуция и комплексная характеристика материалов, полученных во время раскопок этого погребения и кургана, стали предметом предлагаемого читателю исследования.

Археологическое изучение материальной культуры населения монгольского времени степных и лесостепных регионов часто ограничивалось лишь исследованием остатков жилых, хозяйственных или погребальных сооружений, металлических, керамических и стеклянных предметов, которые лучше сохранялись в погребениях или были найдены во время раскопок поселений. Без внимания исследователей оставалось значительное количество предметов быта, остатки которых залегали в культурном слое, в лучшем случае, в виде глена, следов или отпечатков, или же вообще не сохранились: одежда, обувь, вещи из дерева, текстиля, нетканых материалов.

В особенности это касается одежды. Одежда того или иного народа тесно связана с его историей. На первый взгляд, одежда – это совокупность предметов, которые защищают человека от влияния внешней среды (холода, жары, непогоды). Однако подобное узкое значение понятия будет неполным, так как даже в повседневной жизни нетрудно заметить не только практическое назначение предметов костюма, но и их связь с широким кругом духовных понятий. По костюму можно судить не только о социально-экономическом уровне развития общества, но и об этническом происхождении человека, его религиозной принадлежности, социальном и семейном статусе, торговых и культурных связях отдельных территорий и даже политических реалиях эпохи. Итак, костюм как категория материальной культуры, которая является одним из важнейших этнографических признаков, также является объектом этого исследования.

Осуществление реконструкции костюма по его остаткам, выявленным в погребении I кургана 9 вблизи с. Волошино, оказалось довольно актуальной задачей. Ведь в более чем 800 кочевнических погребениях 2-й пол. XIII – XIV в., известных исследователям (Иванов В.А., 2002, с.116), при изучении комплексов получено довольно мало сведений относительно состава, деталей и кроя одежды. Поэтому создание новой, научно обоснованной реконструкции костюма девочки-кочевницы, к тому же произведенной по материалам последних раскопок, расширяет представление об ассортименте и особенностях одежды золотоордынского времени, прежде всего, детской.

Апробация результатов исследования и реконструкции осуществлена на нескольких научных конференциях всеукраинского и регионального уровней, в частности, на 13 Всеукраинской научной конференции “Новые исследования памятников казацкой эпохи на Украине” (Киев, 2005), Всеукраинской научно-практической конференции “Национальная идея в образовании и науке в условиях реформирования государственных процессов в Украине” (Полтава, 2005), на VI межрегиональном научном семинаре “Охрана и исследование памятников археологии” (Комсомольск, 2005) и Круглом столе “Мониторинг курганных некрополей Днепрового Левобережья” (Сумы – Зеленый Гай, 2005), участники которых оценили и активно обсуждали полученные выводы, предоставив немало ценных замечаний и предложений. Предварительная публикация реконструкции костюма девочки-кочевницы увидела свет в Полтаве в виде статьи и отдельного издания (Супруненко О.Б., Маєвська С.В., 2005, с.72-80; Супруненко О.Б. та інші, 2005). Несмотря на наличие предварительных публикаций, интерес коллег к уникальной находке по-прежнему велик, что и обусловило возврат к данной теме, и подготовку этой расширенной статьи¹.

Золотоордынские древности Днепроградской левобережной террасовой лесостепи

Исторические процессы, которые происходили на территории междуречья Орели и Сулы, в Днепроградской левобережной террасовой лесостепи, со 2-й пол. XIII до XV в., привлекали внимание лишь нескольких историков кон. XIX – нач. XX века. Историческая судьба региона в монгольское время нашла освещение в работах П.В. Голубовского, М.С. Грушевского (Голубовский П.В., 1881; 1908;

Грушевський М.С., 1992, с.602, 606-607, карта; 1995, с.9-20), более детально у уроженцев региона – В.Г. Ляскоронского и Л.В. Падалки (Ляскоронский В.Г., 1897; 1907; Падалка Л.В., 1914). Археологическими исследованиями XX в. выявлены и первые памятники этой эпохи (Зарецкий И.А., 1912, с.111-120; Щербаковский В.М., 1913, с.1-8), лишь в общих чертах охарактеризованные позже М.Я. Рудинским и А.А. Федоровским (Рудинський М., 1928, с.52-53; Федоровський О., 1928, с.288-289). Тем не менее, указанное направление историко-археологических исследований не имело продолжения по причине известных исторических событий XX в. и господства тенденциозных историографических установок, “запрещенных тем” в украинской советской исторической науке.

В последней четверти XX в. появились работы, которые поставили вопрос об изучении культурно-исторического наследия региона золотоордынского времени (Кучера М.П., 1962, с.89-108; 1986, с.446-455; Довженко В.О., 1978, с.76-82; Беляева С.А., 1982; Егоров В.Л., 1985; Шабульдо Ф.М., 1987; Сухобоков О.В., 1992). Увидели свет и публикации результатов археологических исследований отдельных поселений и некрополей в Днепроградском Лесостепном Левобережье (Виноградська Л.І., 1988, с.47-57; Беляева С.О., Кубишев А.І., 1995, с.9-50), в частности, на территории исторической Полтавщины (Кучера М.П., 1962, с.89, 105-107; Сухобоков О.В., 1992, с.116). В начале XXI в. осуществлена попытка обобщить имеющиеся сведения о древностях монгольской эпохи лесостепных районов Левобережья Днепра (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004). В связи с открытием нескольких золотоордынских погребений в курганах неподалеку от Комсомольска (Мироненко К.М., Шилов Ю.О., 2003) позднесредневековая кочевническая проблематика стала актуальной при изучении курганных древностей нижнего течения р. Псел (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.77).

В ходе исследований установлено, что материальные свидетельства существования жизни в лесостепном междуречье Орели и Сулы во 2-й пол. XIII – XIV в. указывают на наличие довольно заметных здесь контингентов постдревнерусского населения, втянутого в орбиту исторических событий золотоордынской истории. Археологические памятники этого населения представлены в регионе остатками отдельных городищ, многочисленными поселениями и отдельными грунтовыми некрополями (Приймак В.В., 2003, с.111-138; Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.6, 18, рис.1).

¹ Ее введение, разделы 1, 2 и заключение подготовлены А.Б. Супруненко, разделы 3, 4 – С.В. Маєвської и А.Б. Супруненко, Приложение – А.В. Артемьевым, рисунки – А.В. Коваленко и Т.В. Менчинской, фотографии – А.Б. Супруненко, фотографии микроскопических исследований – Т.Н. Крупой.

Финальный этап постдревнерусской истории края совпадает с битвой войска Великого князя Литовского Витовта с золотоордынскими полчищами темника Тимур-Кутлука и хана Едыгея на Ворскле в 1399 г, которая, по мнению специалистов, завершила древнерусскую традицию развития на этом юго-восточном порубежье Руси (Ивакин Г.Ю., 2000, с.122-123). Кроме постдревнерусских памятников, выразительной группой этой эпохи в пограничных со Степью районах исторической Полтавщины являются золотоордынские, датированные кон. XIII – нач. XV в. (Білоусько О.А. та інші, 2004, с.163-165, карта 21.3 на с.161).

Последние представлены остатками нескольких поселений, среди которых на сегодня наиболее известны: затопленный Днепродзержинским водохранилищем "городок" в устье Ворсклы, на территории бывшего с. Правобережная Кишенька Кобелякского р-на, а также некрополь этого же поселения, остатки которого находятся над современным селом – на Мечетской горе; отдельные погребальные комплексы и клады монет (рис.1).

Остатки поселения золотоордынской эпохи в Правобережной Кишеньке занимали песчаное повышение второй надпойменной террасы правого берега р. Ворскла, практически в центре затопленного райцентра, имели площадь 1,5-2,0 га. Находки золотоордынского времени – обломки керамики, медные и серебряные монеты – выявляли исследователи и собиратели, в том числе М.П. Кучера, Д.Я. Телегин, В.Н. Шалобудов и др. Немало ордынских материалов встречалось и в ур. Остров, посреди бывшего села. Керамические материалы указанной эпохи обнаружены и в 0,2-0,3 км к северо-востоку от современного села (с. Кишенька), на закрепленных от водной эрозии берегах Ворсклы (Супруненко А.Б., 1983, л.27; Супруненко О.Б., Мироненко К.М., 2003, с.61; Кулатова И.М., 2003, с.116). Археологический многослойный комплекс в Правобережной Кишеньке не исследовался.

Некрополь Кишеньковского поселения (Супруненко О.Б., 1998, с.529) изучался И.А. Зарецким и В.М. Щербаковским в 1912 г; осматривался М.А. Станом в 1941 г и исследовался А.Б. Супруненко в 1983 г (Зарецкий И.А., 1912; Щербаковский В.М., 1913, с.3-5; Стан М.А., 1994, с.28; Супруненко О.Б., 1984, с.29). Он расположен на краю плато мыса высокого коренного берега Ворсклы в ур. Мечеть. Могильник занимал площадь свыше 6,0 га и более чем наполовину поврежден карьером кирпичного завода. На Мечетской горе исследованы фундаменты двух центричных купольных гробниц, выявлены остатки фундаментов еще двух мавзолеев, а также ямы нескольких грунтовых погребений. Размеры мавзолеев составляли 7,4×7,4 и 9,5×9,5 м. Они возводились из квадратного и прямоугольного хорошо

обожженного кирпича размером 20-23×20-23×6,0-6,5 см на глиняном растворе (Щербаковский В.М., 1913, с.3-6). С южной стороны сооружений были обнаружены остатки входов, около одного из них – следы кирпичной вымостки. В первом мавзолее исследовано три, а во втором – один склеп, выложенные кирпичем, содержавшие 5 ограбленных погребений в деревянных гробах. Сооружения довольно сильно пострадали от деятельности грабителей и выбирания в XIX в. кирпича местным населением. Выявлены обломки изразцов с голубой и зеленоватой глазурью, плиток на кашине с подглазурным орнаментом белого, голубого и синего цвета, фрагменты терракотовых архитектурных украшений, куски известковой штукатурки и гипса, которые принадлежали остаткам купольных погребальных сооружений, хорошо известных на некрополях золотоордынских городов Поволжья, Средней Азии, Молдовы и Крыма XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1981, с.233).

Исследовано несколько ям ограбленных грунтовых погребений с развалами кирпичных надмогильных сооружений, в заполнении обнаружены обломки железных гвоздей, фрагменты красно- и желтоглиняной гончарной посуды (Зарецкий И.А., 1912, с.111-120; Щербаковский В.М., 1913, с.1-8; Супруненко А.Б., 1983, л.23-27). Из некрополя происходит находка фрагмента серебряной пайцзы с отверстием и следами надписи на арабском языке (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.23).

Еще один грунтовой некрополь поселения золотоордынского времени обнаружен на краю мыса третьей надпойменной террасы р. Ворскла, рядом с городищем роменско-древнерусского времени в с. Старые Санжары (Решетники) Новосанжарского р-на. Исследовано лишь три вытянутых на спине погребения, впущенных в культурный слой посада XII-XIII вв. Погребенные (мужчины и подросток) были помещены в неглубокие подпрямоугольные ямы размером от 1,4х0,6 до 2,1х0,7 м, без заметных следов гробовищ. В одном случае прослежены остатки поперечной доски перекрытия. Среди инвентаря отметим лишь астрагал в мужском погребении, а также билоновое височное кольцо с петелькой, выявленное в обвале наслоений неподалеку (Артем'єв А.В. та інші, 2004, с.70-71, рис. 1, 5, 6).

Следы поселений золотоордынской эпохи известны по находкам в долине р. Берестовая, на юго-восток от г. Красноград (современная Харьковская обл., бывшая Полтавская губ.), на левом берегу Днепра – на юго-запад от с. Максимовка, вблизи с. Келеберда Кременчугского р-на (Артем'єв А.В. та інші, 2004, с.69-71; Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.24, 27). Отмечены и отдельные на-

ходки вещей золотоордынского времени: фрагментов и целых образцов литых зеркал с растительно-зооморфным сюжетом – неподалеку сел Давыдовка, Омельника, Максимовка Кременчугского р-на, в шт Градижск Глобинского р-на на Полтавщине (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, рис.25, 28), имеющие параллели с многочисленной группой подобных бытовых изделий из Болгара, Увекского и Велико-Кучугурского городищ (Полякова Г.Ф., 1996, с.230; Недашковский Л., Ракушин А., 1998, с.33; Попандопуло З.Х., 2002, с.227-229).

Недавно обломок изысканного зеркала с изображением “тона животных” – собак, которые устремились за лисицами (рис.2), – близкого к сериям отделов М и О, типа II (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.83), а, по современным типологическим построениям, – типа 4-І, по С.А.Плетневой и Г.А.Федорову-Давыдову, с дополнениями В.А.Иванова и В.А.Кригера (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988; Руденко К., 2004, с.122), обнаружен краеведом А.В.Сидоренко возле вершины оврага, на склоне правого коренного берега р.Сула, к западу от с.Малый Вязовок Лубенского р-на Полтавской обл. (Сидоренко О.В., Супруненко О.Б., 2005, с.155). Оно указывает на возможное местонахождение неподалеку на плато разрушенного погребения XIV в. Это и неудивительно, если учесть, что место неординарной находки расположено в округе летописного Снегорода, под стены которого при Витовте неоднократно переселялись “черкесы” – выходцы из Северного Кавказа (Падалка Л.В., 1914; Шабильдо Ф.М., 1987, с.27).

Упомянутый обломок зеркала принадлежал изделию с орнаментацией из трех полос. Сохранился фрагмент с высоким бортиком, частью внешнего орнаментального круга с изображением гона животных на фоне растительного узора (рис.2). Подобные зеркала представлены в собрании Национального музея Республики Татарстан, а прямой аналогией является одно изделие из этой же коллекции (Руденко К., 2004, с.139, рис.4, 8; 5, 7). Находки таких зеркал выявлены на Лаишевском и соседних селищах золотоордынского времени, Байраки-Тамакском могильнике в Татарстане, а также в Чечне и Ингушетии (Казаков Е.П., 1978, с.94, рис.47, 6; 1988, рис.4, 22; Виноградов В.Б., 1987, с.267-269, рис.2). Подобные зеркала связывают с продукцией болгарских мастеров, хотя, по мнению специалистов, их сюжет восходит к восточной (китайской) традиции, заимствованной в декорировании изделий такого типа поры Трехцарствия и династии Восточная Цинь (Древний Китай, 2003, с.200, прим., к рис.200; Руденко К., 2004, с.122).

Еще одной группой памятников золотоордынской эпохи региона являются одиночные погребения кочевнического населения, которое использо-

вало степные участки междуречий Левобережной лесостепи или кочевало вдоль Днепра, между лесными массивами в долинах Сулы, Псла, Ворсклы и Орели.

Погребальные древности кочевников золотоордынского времени на лесостепных территориях, кроме упомянутых выше впускных погребений в курганах “Цегельня” и “Кормилица” под Комсомольском (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.32-33, рис.32-33), в последнее время были известны лишь в составе некрополя, расположенного на вершинах небольших курганов и холмов второй-третьей террас в окрестностях с.Шушваловка Глобинского р-на Полтавской обл., на так называемом Шушваловском острове (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.30-31). Эти материалы собраны в размывах Кременчугского водохранилища и небольшой коллекцией украшений представлены в собрании Кременчугского краеведческого музея (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, рис.29). В составе Шушваловского могильника исследовано погребение рядового воина-степняка, который кочевал в пограничье Переяславской земли (Мокляк В.О., Морозко Д.В., 1992). Оно находилось в прямоугольной яме шириной 1,1 м, длиной, вероятно, около 2,0 м. Погребенный мужчина возрастом 55-60 лет лежал в вытянутом положении на спине, головой на север, с уложенными вдоль туловища руками, кисть одной из них находилась на костях таза. Погребение сопровождалось бусиной-амулетом, железным наконечником копья, остатками колчана с пятью наконечниками стрел, кочедыком, двумя разной формы ножами, кресалом и кремнем, деталями поясного набора, кольцами от упряжи коня, медной чашечкой с железной дужкой (коробочкой) – моделью котелка. Мужчина принадлежал к группе местных кочевников, видимо, бывших конфедератов Руси, которые проживали в степях Полтавщины еще до Батыевого нашествия. Внешний вид этого человека, воспроизведенный по костям черепа антропологом С.А.Горбенко, засвидетельствовал наличие выразительных европеоидных и монголоидных черт (Горбенко С.О., 1994, с.85-87; Толочко П.П., 1999, с.185, рис.43). Из числа находок в размывах, рядом с разрушенными погребениями, происходят несколько бронзовых чеканных рельефных девятилепестковых поясных блях турецкого производства в виде розетки (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.30, рис.29, 1), схожих с украшениями ремня из Очакова, датирующегося началом XVI в. (Беляева С., 2004, с.83-84, рис.1).

Открытие некрополя золотоордынских кочевников в курганах у сел Волошино и Дуканычи Дмитровского сельского совета г.Комсомольск в

ходе исследований на территории Еристовского месторождения железистых кварцитов в 2003-2005 гг стало весомым подтверждением распространения погребальных древностей кон. XIII – XIV в. на территории края. Работами последних трех лет исследованы 14 подкурганых золотоордынских захоронений кон. XIII – 1-й пол. XIV в. и грунтовой могильник 2-й пол. XIV в., насчитывающий более 20 погребений, устроенный в насыпи кургана 2, захоронения которого уже осуществлялись по мусульманскому обряду.

Анализируя известные на сегодня находки, можно расценивать появление золотоордынских памятников на юго-западе Орельско-Сульского междуречья большей частью в нач. – сер. XIV в. как следствие закрепления степных просторов Среднего Поднепровья за Западным улусом Золотой Орды, его стремления осуществлять полный контроль за Переволочинской, Кременчугской, Градижской и другими менее значительными днепровскими переправами (Супруненко О.Б., Мироненко К.М., 2003, с.65-66). Административный центр западных ордынских владений при беклярибеке Мамае – темнике и фактическом властителе улуса – был перенесен в район Запорожья, к городу Шехр ал-Джедид на Больших Кучугурах в Днепровском Великом лугу (Ельников М.В., 2001а, с.166), а все территории к западу от Волги уже были объединены под единовластным руководством этого правителя значительной части Орды (Сафаргалиев М.Г., 1960, с.133; Егоров В.Л., 1980, с.194, 201). Между прочим, сохранились сведения персидских авторов о существовании наиболее северных лесостепных владений ордынских феодалов кон. XIV в.: на Левобережье – Бек-Ярика, на Правобережье – Хурмадая (Тизенгаузен В.Г., 1884, с.179; Шабульдо Ф.М., 1987, с.143-144). Именно центром владений первого и могло быть упомянутое выше Кишеньковское поселение.

Часть перечисленных памятников, по мнению отдельных исследователей, может свидетельствовать о колонизации великими князьями Ольгердом и Витовтом ворсклинского приграничья при его окончательном закреплении за Великим княжеством Литовским после битвы на Синих Водах или, скорее всего, после похода Тимура на Киев в 1395 г и битвы на Ворскле в 1399 г (Шабульдо Ф.М., 1987, с.143; Русина О.В., 1998, с.84-94). Заселение пустующих земель осуществлялось литовскими правителями путем предоставления земельной собственности переселенцам из Орды, Крыма и Северного Кавказа (Падалка Л.В., 1914, с.41-42). Этой цели служило и возведение новых крепостей, иногда на месте золотоордынских поселений. В частности, путешественники упоминают укрепление в Гебердеевом Роге (Келеберда) и Кременчуге

(у современной скалы “Реестр”) на Днепре, будто бы построенные при Витовте в нач. XV в. (Егика Lassoty i Wilhelma Beauplana, 1972, s.183). Под 1430 г появляются сведения о заселении “пустой слободы” в Полтаве (Падалка Л.В., 1914, с.44).

Как видим, памятники низовья Ворсклы и Днепровской левобережной террасовой лесостепи золотоордынской эпохи почти вплотную “подходили” к синхронным им по времени проявлениям обустройства границы Литовско-Польского государства, что и предопределило постепенное исчезновение первых в начале XV в. (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.39). Поэтому граница между золотоордынскими и литовскими памятниками должна, вероятно, пролегать от устья Сулы к Хоролу, а далее – по междуречью Сулы и Псла на Говтву, в Поворсклье – через Старые Санжары или южнее – к устью Коломака, направляясь вдоль правобережья этой реки восточнее, к бассейну Северского Донца (Супруненко О.Б., Мироненко К.М., 2003, с.66-67) (рис.1).

Таким образом, археологические находки и исследованные комплексы подтверждают, что во 2-й пол. XIV в. территория Сульско-Орельского междуречья была разделена между Великим княжеством Литовским и Западным улусом Золотой Орды. Большинство золотоордынских древностей, в частности, найденных на территории исторической Полтавщины, хронологически ограничиваются периодом 2-й пол. – кон. XIII – XIV в. или, что менее вероятно, нач. XV века. Все это указывает на весомое влияние значительного исторического события – битвы на Ворскле 1399 г – на судьбу как постдревнерусского, так и золотоордынского населения в лесостепном приграничье двух государств. Последствиями этого события являлись опустошение враждующими сторонами окранных земель, упадок золотоордынских поселений и исчезновение постдревнерусских селищ в регионе, окончательно уничтоженных во время набегов крымских татар в нач. XV в. (Падалка Л.В., 1914; Шабульдо Ф.М., 1987, с.191-192; Білоусько О.А. та інші, 2004, с.173).

Исследование кургана 9 у с. Волошино

Летом 2003 г Еристовский отряд Охранной археологической экспедиции Полтавского областного Центра охраны и исследований памятников археологии, возглавляемый А.Б. Супруненко, провел исследование курганов в составе трех групп на площадке землеотвода под сооружение карьера Еристовского месторождения железистых кварцитов ОАО “Полтавский горно-обогатительный комбинат”. Район исследований расположен в 6-7 км к северо-востоку

от г.Комсомольск, между селами Дуканычи, Волошино, Солонцы Дмитровского сельского совета г.Комсомольск, селами Емпы и Еристовка Припильского сельского совета Кременчугского р-на Полтавской обл. (рис.3). Этим работам предшествовали детальные археологические разыскания, результаты которых (Супруненко О.Б. та інші, 2003; 2003-2004) вместе с публикацией результатов исследований курганов группы III вблизи Волошино уже опубликованы (Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М., 2004, с.5-46; Супруненко О.Б., Кулатова І.М. та інші, 2004, с.47-135).

Раскопки курганов производились на снос с применением землеройной техники различных типов. С применением землеройной техники исследовано межкурганное пространство, вся территория вокруг курганов группы I вблизи Волошино, на общей площади больше 7 гектаров. Для стратиграфических наблюдений на небольших курганах оставлялись I-3 бровки (рис.4, I)².

Исследованный курган³ 9 находился на возвышении правого берега Емповского болота, расположенного на водоразделе рек Сухой Кобелячек и Псел, среди незначительных возвышений второй террасы левого берега р.Днепр, в 4,2 км от последнего (рис.3).

Он занимал господствующую вершину песчаного останца коренного берега – гряды возвышения Стовбуватой Могилой, длиной свыше 1,3 км, шириной 0,30-0,45 км, расположенную посреди двух пойменных рукавов старого русла, которые превратились в пересыхающие болота (рис.3). Высота этого останца колеблется в пределах 5-8 м над уровнем окружающих стариц и болот, имеет абсолютное значение 82,1 м на Стовбуватой Могиле – наибольшем кургане в составе трех групп, размещенных на этом песчаном возвышении.

Останец находится между селами Волошино и Еристовка, в 1,1 км восточнее от первого села и 1,2 км к западу от второго, слева от шоссе Дмитровка – Колхозная Гора – Еристовка. На нем размещалось четыре десятка курганов, условно распределенных в три микрогруппы. Большая часть курганов имела незначительные размеры и сильную распахан-

ность. В 2003 г исследовались курганы двух групп – I (раскопки завершены в 2005 г) и III (раскопки проведены полностью).

Группа курганов I (группа Стовбуватой Могилой) расположена на юго-западном отроге останца, обозначенном максимальным возвышением в 8,0 м над уровнем поймы, а в плане – округлыми мысовидными выступами, возле подножия которых находятся заливные увлажненные луга, с углублениями солонцеватых стариц (рис.3).

Группа состояла из 23 курганов и курганообразных насыпей преимущественно незначительной высоты, сгруппированных к востоку и северо-западу от большого кургана – Стовбуватой Могилой (№ 1) (рис.3). Высота небольших курганов – 0,2-0,8 м, их диаметры – 10-25 м. Большинство курганов основательно распаханы, имели насыпи с преобладанием в составе супеси и находились рядом со Стовбуватой Могилой, часть же была размещена искривленной цепью вдоль южного склона останца. Именно эти насыпи в полной мере и были подвержены действию естественных и хозяйственных разрушительных факторов – влиянию ветровой и водной эрозии, распахиванию, находясь на небольших песчаных мысах-выступах над склонами.

Лишь наиболее крупный курган группы, кроме обозначения на ряде карт кон.ХІХ – ХХ в., был издан замечен в 1986 г А.Н.Некрасовой (Луговая Л.Н. и др., 1986, л.51) и неоднократно осматривался Ю.А.Шиловым (Стахов Н.П. и др., 2001, с.3; Шилов Ю.А., 2005, с.9-20). Детальное описание курганов группы по результатам исследований 2002-2003 гг уже опубликовано (Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М., 2004, с.33-34, 43).

Распаханная и очень растянутая насыпь кургана 9 находилась в восточной части группы I, занимая вершину господствующего возвышения останца, в 190 м к востоку от кургана 1 группы I – Стовбуватой Могилой (рис.3). Курган длительное время распахивался, вследствие последних сельскохозяйственных работ 1998 г был немного подсыпан – на 0,3 м – во время перемещения грунта из выемки, расположенной немного западнее насыпи

² На чертежах учтены отклонения магнитного соответствия направлению “север” от географического, определенные инструментальным способом. Ведь при пользовании любых геодезических приборов с магнитными стрелками на этом участке при наличии значительной магнитной аномалии величина отклонения составляла 38-40° к западу. Для кургана 9 погрешность в градусах для условного поворота стрелки-указателя на фотоснимках составляет приблизительно 38°. Подобную операцию при фотографировании осуществить не удалось, ибо инструментальная коррективировка “севера” геодезистами была осуществлена только перед завершением полевых работ.

³ Коллекция находок из кургана передана на постоянное хранение в Полтавский краеведческий музей. Часть находок органического характера, а именно, остатки изделий из кожи, хранится в фондах Музея археологии и этнографии Слободской Украины при Харьковском национальном университете им. В.Н.Каразина, антропологические материалы находятся в лаборатории медицинской и исторической антропологии Полтавского областного Центра охраны и исследований памятников археологии. Дневниковая и фотографическая полевая документация хранится в Научном архиве этого же Центра.

(рис.4, 1, см. профили бровки). Во время исследований был покрыт образовавшимся в последние годы дерном.

Нивелированная высота насыпи – 0,70 м (реальная – около 0,45 м), диаметр – 13,5 м (рис.4, 1). Отклонения показателей магнитных измерительных приборов в границах насыпи кургана составляли $38^{\circ}23'10''$ к западу, во время магнитных бурь – более 45° . Это заметно по изменениям направления стрелок-указателей на фотоснимках.

Курган исследовался на снос с оставлением для стратиграфических наблюдений центральной бровки шириной 0,75 м, ориентированной по оси северо-запад-запад – юго-восток-восток (рис.4, 1).

Характер и стратиграфия насыпи. Насыпь возведена преимущественно из серо-коричневой и светло-серой супеси – поверхностного грунта, взятого вокруг кургана, и сооружена не менее, чем в два приема – в неолите или, возможно, в эпоху бронзы и в золотоордынское время. Но эти выводы все же в определенной мере остаются предположениями.

Дерновый (бывший распаханый) слой на кургане состоял из серо-коричневой супеси, в свое время интенсивно распахаваемой (0-0,3 м) (рис.4, 1). Уровень погребенного грунта – коричневатосерой супеси – отмечен под массивом насыпи на глубине 0,65-0,70 м от репера. Его понижение наблюдалось к северо-западу. Древняя поверхность имела незначительные углубления (около 0,2 м) в границах, перекрытых насыпью. Мощность погребенного грунта составляла 0,15-0,20 м.

Супесь древней поверхности с уровня 0,80-0,90 м подстилал песок палевого цвета – предметрик, прорезанный норами землеройных животных (толщина пласта – 0,1-0,2 м). С уровня -0,90-1,10 м, а местами и выше, залегал материк – песок светло-желтого цвета (рис.4, 1).

Первичная насыпь I – небольшого размера круглой в плане формы – исследована в восточной части кургана, в 2,1 м к юго-востоку от репера (угол 117° от условного центра). Насыпь I возведена на уровне древней поверхности из серо-черной супеси, взятой неподалеку. Ее диаметр не превышал 5 м, а высота – 0,20-0,25 м. Читалась в обоих профилях центральной бровки по более темному цвету супеси, ее большей влажности и наличию угольков в массиве. Насыпь возведена, вероятно, над несохранившимся во время исследований погребением эпохи неолита, на что указывали крупинки краснокарминовой минеральной краски, выявленные на уровне горизонта в центре первичного кургана, незначительные пятна белого тлена рядом и находки нескольких костей животных, в том числе ребер и ног коня (рис.4, 1).

Ровесником насыпи II, то есть современного кургана, являлось кострище, располагавшееся в

2,05 м к востоку от репера, возле западной поля первоначального кургана, на уровне древнего горизонта (описание помещено ниже) (рис.4, 1). Возможно, с сооружением на уровне древнего горизонта, чуть западнее от репера, погребения эпохи поздней бронзы, которое также не сохранилось или было разрушено ямой позднесредневекового погребения 2, и связано возведение насыпи II, которая имела диаметр не менее 13 м. Гипотетично о существовании погребения позднебронзовой поры могут свидетельствовать находки фрагментов лепной керамики срубного времени в заполнении погребения 2 и на уровне древнего горизонта, под насыпью кургана. Хотя, скорее всего, сооружение второй насыпи было осуществлено уже в золотоордынское время для погребального комплекса в составе погребений 1 и 2. В литературе отмечены факты подсыпки кочевниками древних курганов с целью впуска в них погребений, которые были вызваны стремлением создать более заметное возвышение для осуществления обряда. Иногда даже сооружалась цепочка собственных насыпей рядом с уже существующими древними (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.120, 132).

Именно в западной части насыпи II уже в золотоордынское время были впущены выявленные в кургане погребения (рис.4, 1). Таким образом, в кургане исследовано два погребения золотоордынской эпохи (по-видимому, остатки одного комплекса), а также отмечены уже упомянутые следы погребального комплекса эпохи неолита и остатки костра, вероятно, также золотоордынского времени (рис.4).

Погребение 1 (золотоордынское, впускное) выявлено в 1,3 м к юго-юго-западу от репера (190° от условного центра) на глубине 0,25 м (рис.4, 1, 2), под поверхностной распаханной супесью, в массиве насыпи II, в юго-западном секторе кургана. Погребение сооружено в меридионально ориентированной яме с отклонением к юго-юго-западу – северо-северо-востоку. Яма была небольшой, прямоугольной в плане формы (0,6-0,8×2,0 м поверху), с несколько скругленными углами, глубиной 1,25 м от уровня фиксации или 1,50 м от репера (рис.4, 2; 6).

Торцевые стенки ямы книзу расширены, продольные стенки по всей длине снабжены неплубоким подбойным уступом, размещенным с уровня 1,20-1,30 м от репера (рис.4, 2). Нижняя часть ямы оформлена в виде углубления прямоугольной в плане формы (0,4-0,5×2,15 м), предназначенного для установки гробовища, продольные стороны которого обозначались небольшими уступами шириной 0,15-0,20 м.

Заполнение ямы в верхней части составляла серо-желтая супесь, окантованная вдоль стенок

пятнами материкового песка (рис.4, 2), ниже залегал слой смешанной супеси выкида, а подстилали их темный серо-коричневый песок и супесь выкида. В гробовище заполнение оказалось интенсивно перемешанным вследствие деятельности мелких землероев; в углах ямы находились более значительные кротовины. В верхней части заполнения выявлено несколько мелких обломков лепной и гончарной посуды. Остатки гробовища были хорошо заметны по ислевшим доскам перекрытия. Оно состояло из 18 тонких досок длиной 0,50-0,60 м, шириной 8-12 см, уложенных поперек ямы на продольные уступы в ее нижней части (рис.4, 2). По центру перекрытия, по длинной оси ямы, в ее южной части, на глубине 1,35 м от репера лежали детали деревянной повозки в виде трех обломков брусьев и досок со следами сверленных отверстий, канавок и выбранных долотом участков (рис.4, 2; 5, 3). В северной части ямы, на перекрытии, обнаружен развал деформированного под весом просевшего заполнения берестяного сосуда (рис.4, 2: 1; 5, 2).

На дне, по периметру ямы, сохранились остатки каркаса дощатого гробовища, изготовленного из тонких (2-3 см) досок. Размеры гробовища составляли 0,45-0,50x2,00 м, а в изголовье наблюдалось расширение этой конструкции (рис.4, 2).

Погребенная ориентирована головой к юго-западу. Лицевой отдел черепа был обращен к востоку (рис.4, 2; 6). Скелет ребенка сохранился в анатомическом порядке, хотя некоторые кости оказались перемещены землеройными животными или раздроблены при падении перекрытия, в частности, лобная часть черепа и челюсти. Девочка в возрасте 11-12 лет, как это было установлено антрополого-одонтологическим исследованием, была помещена в гробовище в вытянутом положении, на спине, левая рука – вдоль туловища, правая слегка согнута в локте. Стопы ног сведены.

Вокруг скелета и под ним обнаружено пятно войлочного тлена подстилки (с отдельными следами уничтоженных коррозией тонких железных гвоздиков), покрытого ислевшими остатками текстильного савана (рис.4, 2). В головах подстилочная прослойка кое-где утолщалась в виде своеобразной подушечки. На теменных костях черепа сохранились остатки четырех фрагментов тканево-кожаного головного убора. Поверх и под костями таза, на костях ног выявлены остатки кожи и ткани костюма (рис.4, 2: 5), на месте локтевого сустава правой руки – овальное пятно древесно-кожаного тлена от светильника (?) размером 7x9 см. Небольшие пятна кожаного тлена отмечены и под костями рук, позвонками. На костях таза выявлены кусочки нескольких кожаных петелек и завязка от одежды – жилета (рис.4, 2: 3). Над проксимальной частью бедренной кости левой ноги – ислевшие остатки

сумки-кисета, подвешенной на поясе, в виде овального пятна кожаного тлена с сохранившимися кусочками кожи, в том числе от застежки, между которыми лежали 6 астрагалов – костей овцы (рис.4, 2: 7). Слева от таза погребенной выявлен развал железного ножа с остатками деревянной рукоятки и следами ислевших кожаных ножен (рис.4, 2: 6). Под костями стоп отмечены по контуру тлена тонкой кожи, замши и бархата остатки обуви типа мягких полусапожек (рис.4, 2: 4). Возле юго-западной стенки ямы, вне гробовища, найдена вынесенная землеройными животными часть рамки железной пряжки от ремня с профилированным язычком и приклепанными к ней отпечатками нескольких типов тканей (рис.4, 2: 8). Определенное количество отпечатков тканей выявлено и на костях скелета, что позволяет со значительной степенью вероятности реконструировать одежду девочки.

Погребение 1, сопоставимое с типом кочевнических захоронений Ж-П, осуществлено в своеобразном дощатом гробовище, подобном характерным конструкциям отдела Б, типа П, по Г.А.Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.127, 130-131). Но со времени бытования таких архаических, половецких по происхождению, гробовищ (с XII в.) характер конструкции несколько изменился. Две прямоугольные рамы заменил сплошной каркас из четырех тонких досок, снизу которого, вероятно, на деревянных шипах крепились несколько (8-9) поперечных дощечек, которые на боковинах и на площади всей рамы устилались слоем войлока. Сверху такая конструкция после ее установки в могиле перекрывалась сплошным поперечным рядом дощечек, положенных как на основу каркаса (рис.4, 2), так и на заплечики, устроенные в могиле. Высота гробовища в таком случае составляла 20-30 см. Для уплотнения перекрытия, а также, вероятно, с определенной ритуальной целью на него были положены тяжелые детали повозки (рис.7, 26).

Скорее всего, материалом для изготовления гробовища служили доски от разобранного транспортного средства, в котором, возможно, определенное время находилась больная девочка. Стенки ямы сооружены с незначительным подбоем для обеспечения возможности установки основы гробовища.

Войлок, который был подложен под голову девочке в качестве подушки и сохранился в виде отпечатков на теменных костях черепа (рис.14), неокрашенный, из грубой шерсти разных естественных цветов, с остевыми волокнами, низкого качества неравномерного валяния. Отдельные волокна войлока длинные, слегка скручиваются. Вероятно, это овечья шерсть, возможно, с незначительными добавками травы, которые достаточно

часто встречались во время производства войлока у кочевников (Маевська С.В., 2003; с.98). Такой низкокачественный войлок несколько диссонирует с довольно богатым костюмом погребенной. Вероятно, этот материал использовался для набивки подушки, ткань от которой не сохранилась.

В свою очередь, более качественный войлок, который не сохранился в волокнах, был помещен как подстилка на дно гробовища и крепился к каркасу основы с помощью железных гвоздей, изготовленных из тонкой проволоки. Подобное крепление выявлено еще в нескольких погребальных комплексах у Волошино во время раскопок 2004-2005 гг.

Наверное, войлок сверху покрывался какой-то тканью, которая также не сохранилась. Еще одной деталью погребального обряда было укутывание или укрывание погребенной покрывалом-саваном из ткани растительного происхождения.

Остатки гробовища подтверждают золотоордынское время осуществления погребения (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000, с.23-24) и позволяют включить его в группу сравнительно редких комплексов, для устройства которых использовались детали деревянных повозок (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.130-131).

Погребение 2 жертвенного коня (впускное, золотоордынское времени) обнаружено в северо-западном секторе кургана в 0,2 м к западу от репера (285° от условного центра), на глубине 0,3 м (рис.4, 1; 5, 1). Осуществлено в овальной в плане яме, впускной с уровня поверхности насыпи II на глубину – 0,70 м (рис.5, 1). Небольшая яма имела почти меридиональную ориентировку, с незначительным отклонением к северо-северо-западу – юго-юго-востоку (рис.4, 1). Ее размеры составляли 0,85×1,40 м. Стенки сохранили незначительный уклон к немного скругленному и уплощенному дну, углубленному в погребенную супесь (рис.5, 1). Яма была заполнена однородной серо-коричневой супесью, с отдельными следами тлена от шкуры коня на дне.

Вдоль длинной оси ямы, в заполнении, на глубине от 0,30-0,55 до 0,65 м от репера, помещались кости взрослой особи самки коня домашнего (определение канд. ист. наук А.П.Журавлева). 57 костей лошади находились преимущественно в двух скоплениях – в северо-западной и юго-восточной частях ямы (рис.5, 1). В первом лежали рубленные и частично раздробленные кости задних конечностей и таза животного, во втором – кости передних ног, челюсти и обломки черепа (рис.8). Между ними, посередине, уложены отдельные ребра и пястные кости, сохранился тлен шкуры животного. На дне выявлены отдельные угольки.

В заполнении ямы обнаружена единственная находка – обломок стенки лепного толстостенно-

го сосуда с хорошо заглаженной поверхностью, примесями измельченного шамота и песка в тесте плотной массы, который принадлежал срубному горшку. Размеры этого черепка – 2,5×2,8 см, толщина – 0,9 см.

Погребение частей и шкуры коня является остатками тризны. Оно входило в состав погребального комплекса 1 золотоордынского времени.

Еще одним объектом, обнаруженным в 2 м к юго-востоку от репера (97° от условного центра) на уровне древнего горизонта (глубина – 0,4 м), у насыпи I, являлось **кострище**. Остатки костра круглой в плане формы диаметром 45 см и толщиной 2 см сохранились в виде пятна пепла, прокаленного грунта и угольков. Никаких находок здесь не обнаружено (рис.4, 1). На уровне древней поверхности, в 3,05 м к юго-востоку от репера (131° от условного центра), найден еще один невыразительный обломок доньшка лепного горшка срубного времени размером 2,2×2,5 см (рис.4, 1).

Учитывая эти находки, кострище можно было бы отнести к эпохе позднего бронзового века, тем не менее, обустройство объекта вне границ первичной насыпи дает все основания рассматривать его как деталь погребального ритуала золотоордынской эпохи. Кстати, подобные костры неоднократно выявляли в курганах кочевников золотоордынского времени (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.123). Имеются они рядом с вершинами или в полах большинства изученных насыпей с золотоордынскими погребениями в Волошино (Супруненко О.Б. та інші, 2006).

Таким образом, исследованный курган содержал выразительный впускной погребальный комплекс золотоордынской эпохи (в составе детского погребения 1, жертвенной ямы с останками коня – погребения 2, а также кострища). Наличие еще одного погребения под насыпью – эпохи энеолита – можно лишь предполагать.

Погребальный инвентарь

В погребении 1 обнаружен сравнительно многочисленный сопутствующий инвентарь, который, тем не менее, отличался исключительно ярким набором артефактов из органических материалов, частично “законсервированных” супесчаносолонцеватым грунтом. Небольшую коллекцию предметов, кроме остатков повозки, можно считать весьма ординарной, хотя она дает все основания для культурно-хронологической атрибуции комплекса.

Изделия из дерева и бересты

Детали повозки. Представлены тремя обломками брусьев подпрямоугольного или скругленно-

подпрямоугольного сечения (рис.4, 2; 5, 3; 7). Части повозки были уложены на перекрытие погребения в одну линию. С юго-восточной стороны лежала деталь коробчатой рамы, положенная внутренней стороной сверху, в виде чуть расширенного к одному краю прямоугольного в сечении бруса длиной 50 см, шириной 8-10 см и толщиной 4 см, изготовленного из плотного дерева и хорошо проструганного. На ней сохранились следы одного большого, расположенного посреди длинной оси, и двух меньших конусообразных отверстий-углублений под шипы, на треть доски не доведенных к внешней стороне бруса. Диаметры этих отверстий составляли 2,2 и 1,0 см, глубина – соответственно 3,1 и 1,5-1,6 см. С другой стороны бруса располагалось удлиненно-овальное углубление, выбранное стамеской, размером 1×5 см и глубиной в 1,3 см, предназначенное для упора доски конструкции (рис.5, 3; 7).

Другая деталь, возможно, от основы рамы или оси, имела длину 63 см, ширину – 11,5-13,0 см и толщину 5 см. Ее более широкие плоскости оказались несколько скругленными, торцевые – ровными. Она уложена сверху стороной, обращенной к основе повозки, имела несколько зашлифованных выборок в виде овального полусегмента и подтреугольного выреза шириной 7 и 3 см, при глубине врезки 2-3 см. С обратной стороны, посреди бруса, были высверлены два неглубоких цилиндрических по форме отверстия под шипы диаметром 1,0 см и глубиной 1,2-1,5 см (рис.4, 2; 5, 3). Эта деталь изготовлена из такой же, как и предыдущий фрагмент, породы дерева, старательно выстругана. Один из концов обрублен и обломан, другой сохранил следы выпиливания по овалу и обработки после него.

Последняя деталь – фрагмент толстой доски подпрямоугольного сечения – имела длину 23 см, ширину 9 см, при толщине 3 см. Один из ее концов был старательно опилен, второй обломан. Более или менее аккуратно обработанная доска имела две пары сквозных отверстий диаметром 0,9-1,0 см (рис.4, 2; 5, 3; 7). Эта деталь изготовлялась из иной, более мягкой породы дерева, возможно, из липы. Все куски деревянных изделий сохранились в истлевшем, тем не менее, еще целом на время исследования виде, хотя и в обломках (рис.7).

Находки деталей повозок и телег известны среди половецких и золотоордынских древностей. Исследователи называют точеные балясины, часть дверцы, колеса от кибиток или арбы (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.92; Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.143-145, рис.2, 1-4). Из миниатюр Радзивилловской летописи до нашего времени дошли изображения четырехколесной повозки, в которую запряжены кони, а на транспортном средстве показаны погонщики с длинными кнутами (Радзивилловская летопись, лл.242 об., 232 об., 237 об.).

Существует сообщение ибн Батутты о повозках и управлении ими, в частности, что: “У каждой из повозок 4 больших колеса... На арбу ставится что-то наподобие кровли [изготовленной] из ветвей дерева, привязанных одна к другой тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша: ее обтягивают войлоком или попоной; в ней бывают [устроены] окна решетчатые, и тот, кто [сидит] в ней, видит людей, они же его не видят; он поворачивается в ней, как угодно, спит и ест, читает и пишет во время езды...” (цит. по: Тизенгаузен В.Г., 1884, с.281). Исходя из иконографии и сообщений современников, в особенности свидетельств Платона Карпини (Путешествие..., 1957, с.27-28), золотоордынские повозки были покрыты шатрообразными палатками, которые перекрывали прямоугольной формы деревянный каркас – кузов-раму, установленный на оси, к которой крепились оглобли, соединенные с хомутом, одетым на шею коня (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.92). Скорее всего, именно о таких повозках писал Платон Карпини, отмечая, что “некоторые [жилища] быстро разбираются и собираются, и перевозятся на тягловых животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на телегах” (Путешествие..., 1957, с.28, 40).

К сожалению, немногочисленные упоминания в литературе о находках кочевнических повозок не сопровождалась попытками их реконструкции или, по крайней мере, классификации, которая не дает возможности окончательного определения и точного установления назначения конкретных образцов остатков транспортных средств (Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.145). По нашему мнению, в погребение были помещены детали легкой двухколесной повозки со съемным кузовом и с оглоблевой системой упряжи тяглового животного, а для устройства накатника и нижней части решетчатого гробовища, близкого по типу к дощатым гробам Б-II (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.130), могли быть использованы и тонкие доски настила такого транспортного средства. Подобные факты уже отмечены исследователями для степных кочевнических древностей Днепровского Левобережья (Эварницкий Д.И., 1907, с.152-165; Шалобудов В.Н., Яремака В.Н., 1985, с.145-146). Кстати, бытование подобных повозок, как и преобладающее использование кочевниками половецкого происхождения на IV этапе их пребывания в восточноевропейских степях гробовищ типа Б-II, по мнению С.А.Плетневой, приходится именно на 2-ю пол. XIII – XIV в. (Плетнева С.А., 1958).

Сосуд из бересты. Выявленный на перекрытии развал деформированного берестяного изделия размером 14×18 см (рис.4, 2: 1; 4, 4; 6) принадлежал овальному коробчатому сосуду с загнутым наружу, усиленным бортиком верхом, ровными стенками и

плоским доньшком. Его высота не превышала 8-9 см, размеры дна – 17×12 см (рис.9).

Подобные берестяные сосуды известны среди кочевнических древностей кон.ХІІІ – ХІV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.92). Их остатки обнаружены в курганах Алтая, Юга Приуралья, Башкирии, хотя наиболее распространены подобные изделия на Северо-Западе и Севере Руси, в частности, в Новгороде (Древний Новгород, 1985). Хорошо известны они как “туески” и по этнографическим материалам (Зеленин Д.К., 1991, с.140), в том числе для районов современного украинского Полесья (Культура і побут..., 1991, с.70).

Изделия из железа

Обломок рамки ременной пряжки типа Д-I, по Г.А.Федорову-Давыдову (1966, с.41, 45, рис.7), без специального приспособления для соединения ремня с пряжкой, который охватывал часть рамки непосредственно, в основе крепления язычка. Рамка круглая, с круглым сечением и профилированным (выгнутым) язычком, с налипшими на остатках застежки отпечатками нескольких типов тканей (рис.4, 2: 8; 10, 1). Рамка сохранилась на ширину 2,3 см, длина язычка – 2,2 см; сечение проволоки рамки – 0,15-0,20 см; сечение язычка – 0,30×0,35 см (рис.10, 1).

При осмотре остатков пряжки установлено наличие отпечатков на металле текстиля двух типов, которые в дальнейшем при описании будут иметь условные наименования: *ткань 1* и *ткань 2*.

Отпечатки *ткани 1* с лицевой стороны частично перекрывают отпечатки ткани 2, располагаясь на изгибе язычка пряжки. Ткань 1 грубоволокнистая, визуально тонина нитей составляет 0,5-0,7 мм, ее структура несколько разрежена, возможно, в результате износа. Вариант интерпретации: учитывая характер ткани и ее расположение, можно предположить, что она использовалась как укрепляющая подкладка к кожаному поясу (Супруненко О.Б., Масевська С.В., 2005, с.74). Ширина рамки пряжки позволяет установить и ширину такого пояса – важной детали одежды девочки, изготовленной из тонкой кожи и, вероятно, закрепленной на подкладке из плотной ткани, – приблизительно 2 см.

Ткань 2 в отпечатках выявлена с обеих сторон рамки пряжки. Судя по направлению нитей и сохранившимся отпечаткам складок, это мог быть текстиль нижней рубашки, которая заправлялась в штаны с небольшим напуском. Ткань 2 значительно тоньше ткани 1. Тонина нитей составляет приблизительно 0,2-0,3 мм. Материал – шелк, если учитывать характер складок и текстильные харак-

теристики ткани, частота нитей – 1,5-2,0 в 1 мм. Интересно, что на отпечатках сохранились мелкие складки, в которые собралась ткань еще до своего разрушения. Направление нитей хаотичное.

В общем, по своим характеристикам ткань очень похожа на тлен текстиля между полосами кожи и на сгибах швов шаровар, который в дальнейшем оказался разрушенным при расчистке в полевых условиях и не сохранился. Судя по характеристике волокон, ткань могла быть шелком. Исследовать более подробно ткань не оказалось возможным из-за плохой сохранности нитей, которые рассыпались при лабораторной расчистке. Но сам факт того, что для двух составляющих частей костюма использована ткань с одинаковыми технологическими характеристиками, позволяет предположить одновременность изготовления комплекса одежды.

Нож (рис.4, 2: 6) типа I (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.66, 85, рис.12, 6: 1) с прямым лезвием, уступом при переходе утолщенной спинки к черешку, выступом в основе лезвия и скошенным срезом его острия, остатками железной пластинчатой обоймицы в основе черешка и деревянной накладочной колодочкой, которая, скорее всего, была полуовальной (рис.11, 7; 12). Сохранились 5 обломков изделия размером от 0,8×1,3 до 1,4×4,7 см.

Одна из деревянных накладок была изготовлена из ветви орешника⁴, вторая – из другой породы более мягкого дерева. Размеры: общая сохранившаяся длина ножа – 11,8 см, реконструированная длина изделия – 12-13 см, длина клинка – 7,2 см, ширина клинка – 1,1 см, толщина спинки – 0,3-0,4 см, длина колодочки – приблизительно 4,8-5,8 см, длина черешка – 3,3 см (рис.11, 7). На одном из обломков – кончике лезвия – имеются четкие отпечатки тканей двух типов (ткани 3 и 4), обнаруженные с двух сторон лезвия.

Ткань 3 – тончайшей структуры. Тонина нитей – 0,2-0,3 мм, несколько разрежена и ее структура. По строению и характеристикам ткань аналогична ткани 2, но более изношена.

Ткань 4 – грубой структуры разреженного простого полотняного переплетения. Тонина нитей – около 0,7-0,8 мм. Возможно, это следы покрывала-савана (дерюги или попоны – ?), которая прикрывала погребенную. Частота плетения – приблизительно 7-8×10-11 на 1 см². Материал изготовления, возможно, растительного происхождения (весьма толстая нить).

На двух фрагментах ножа можно заметить и прилипшие остатки тонкой кожи, которые

⁴ Ксилотомические определения преподавателя технологии обработки дерева и металла Полтавского политехнического колледжа Национального технического университета “Харьковский политехнический институт” И.Л.Дегтяря.

могут быть остатками ножен. Кожа имеет темно-коричнево-красноватую окраску, которая, допустимо, является следствием дубления.

Изделия из кости и керамики

Астрагалы – таранные кости овцы, помещенные в сумочке на поясе, в количестве 6 ед. (рис.4, 2:7), не имеющие следов дополнительной обработки, кроме нанесения отдельных прочерченных ножом черточек (рис.11, 1-6). На некоторых из них, большей частью на боковых плоскостях или на изгибах, заметны следы случайных насечек железным ножом – во время расчленения туши или срезания мяса. Размеры астрагалов: длина – 2,6-3,0 см, ширина – 1,6-2,1 см, толщина – 1,4-1,7 см. Заслуживают внимания нанесенные на уплощенных сторонах нескольких астрагалов прочерченные пометки в виде крестика и сеток двух видов: прямой и скошенной (рис.14, 1, 2).

Наборы игрально-гадальных костей время от времени выявляются в золотоордынских погребениях, в т.ч. детских, и даже в больших количествах (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.86). Набор волошинского погребения – в полдюжины костей – именно один из таких случаев.

Фрагмент части доннышка гончарного светло-оранжевого горшка с тщательно отмученным тестом размером 1,5×2,4 см. Происходит из заполнения ямы.

Фрагмент стенки лепного тонкостенного горшка эпохи поздней бронзы, с рыхлым черного цвета тестом, примесями мелкого песка и толченого шамота, размером 0,6×1,4 см. Происходит из верхней части заполнения ямы.

Кожаные изделия

Сумочка-кисет, похожая на мешочек, который подвешивался на поясе, судя по овальному пятну кожаного тлена размером 6-7×14 см, сужению в горловине (до 5 см) и по сохранившимся кусочкам кожи, имела волнистый край с отверстиями, через которые продевался кожаный шнурок. Всего волнистых выступов высотой 0,8-1,0 см насчитывалось 8. По середине каждого из них было небольшое круглое отверстие диаметром 3,0-3,5 мм. Именно через эти отверстия и был продет простой (одинарный) кожаный шнурок, местами, скрученная полоска довольно тонкой кожи шириной 0,9-1,0 см, сохранившаяся на длину свыше 10,0 см, на концах имевшая сужения. Простой узел завязки шнурка, рядом с одним из его концов, рассыпался в ходе расчистки.

Мешочек изготовлен из 2 слоев тонкой (приблизительно 0,15 см) кожи, возможно, окрашенной. Он красно-коричневого цвета, скреплен одним швом “назад иглу”, с шагом 0,65 см (рис.21, 33) по дну и боку. Причем внешний слой кожи изделия имел шлифование, то есть предварительную обработку сырья особым образом, на внутреннем

слое такое шлифование отсутствовало. Приспособление для крепления мешочка на поясе не установлено.

Интересной деталью сумочки являлась фигурная, подовальной формы, кожаная двухслойная петля, размером 2,5×1,5 см, выполненная с использованием специального фигурного края (рис.20). На ней заметен потайной шов, в котором кожа подогнута внутрь как с одной, так и другой стороны (рис.31, 32). “Рамка” петельки между слоями кожи имела тонкую деревянную или костяную прокладку, которая не сохранилась. Возможно, петелька нашивалась на сумку вертикально сверху, “рамкой” книзу, служа для закрепления (фиксации) шнура после его завязывания или для завязывания именно в этой петле (рис.19). Верхняя часть фиксатора пришивалась, средняя закреплялась с помощью двух тонких бронзовых заклепок, от одной из которых остались следы отверстия на коже и окислы металла (рис.31). Основываясь на выводах Т.Н.Крупы, можно предположить, что двухслойная петелька-фиксатор несла основную силовую нагрузку при затягивании шнура, открывании и закрывании сумочки (Супруненко О.Б. та інші, 2005, с.67).

На фрагментах кожи мешочка сохранился участок соединительного шва, который, судя по следам шелковых нитей, был аналогичен предыдущему – “назад иглою” (рис.21). Вариант возможной реконструкции мешочка и соединительного шва представлен на рис.19, а на рис.21 приводится воспроизведение края кусков кожи для пошива сумочки. Мешочек сохранился во фрагментах размерами от 0,8×1,7 до 2,6×9,5 см (рис.13).

Сумочка-кисет отличается от типичных кожаных сумок прямоугольной формы с закругленной крышкой-клапаном на застежке, хорошо известных по материалам многочисленных золотоордынских погребений (Иванов В.А., 2002, с.120). Хотя по месту ношения – впереди на поясе и назначению – для хранения мелких бытовых предметов и денег, оба изделия имели аналогичные функции. Сумки и кисеты были неотъемлемой частью кочевнического костюма всех половозрастных групп населения (Казаков Е.П., 2000, с.65). Волошинская сумочка-мешочек в некоторой степени продолжает традиции изготовления поясных сумок, характерных для населения Волжской Болгарии, и, возможно, является образцом средневожских импортов золотоордынского времени (Казаков Е.П., 2001, с.172-173, 179, рис.2).

Относительно уточнения хронологической позиции погребального комплекса определяющими являются следующие моменты: подсыпка древнего кургана, устройство могилы именно в его насыпи, наличие сопутствующей жертвенной ямы, в которой помещены лишь остатки туши лошади, ори-

ентировка погребения и его перекрытие (из узких досок), присутствие среди инвентаря остатков большого количества вещей. Все это указывает на принадлежность погребения к раннему периоду золотоордынской истории, по крайней мере, к рубежу XIII-XIV вв. или к 1-й пол.XIV в.

Реконструкция костюма девочки-кочевницы

Исследователи истории костюма считают, что одежду можно изучать по нескольким группам источников. А.А.Иерусалимская среди этих источников выделяет четыре группы: письменные свидетельства, художественные изображения, этнографические и археологические (Иерусалимская А.А., 2000, с.58-59).

К письменным источникам следует отнести летописные сообщения, экономические и политические документы, современные изучаемым материалам, сообщения путешественников, произведения писателей соответствующей исторической эпохи. Но, к сожалению, эти источники информации не всегда дают достаточно подробные сведения для специального анализа. То, что в определенное время было понятно всем, не обязательно будет понятно нашим современникам – древние названия одежды, тканей, даже местностей часто вызывают разночтения и продолжительные дискуссии, а некоторые детали, например, покроя костюма, способ ношения отдельных его элементов, вообще остаются не освещенными.

Изображения одежды на разных памятниках монументального и прикладного искусства, миниатюрах для большинства исследователей являются главными источниками их работы. Но и этот вид источников не может предоставлять стопроцентно достоверной информации. Консерватизм художественной традиции, попытки следовать иностранным образцам – это все искажает сведения, которые доносит до нас указанная группа источников. Кстати, для Востока эти источники не являются информативными из-за существования мусульманской художественной традиции, которая запрещала изображение человека (Коран, 2:45).

К сожалению, этнографические данные относятся ко времени, значительно более близкому нам, чем эпохе, которая большей частью интересует исследователей. Известно, что костюм изменяется не только в пространстве, но и во времени. Поэтому к источникам такого типа тоже необходимо относиться чрезвычайно осторожно.

Отсюда следует, что вернейшим и наиболее полноценным источником информации о костюме могут быть лишь археологические находки. Для

того, чтобы установить внешний вид костюма, важно детально фиксировать не только фурнитуру одежды (пряжки, пуговицы, фибулы, крючки и т.п.), но и органический тлен – остатки кожи, тканей, войлока, меха, которые служили материалом для производства предметов туалета. Именно детальная фиксация местонахождения и предшествовавшая снятию предметов консервация органики в полевых условиях 2003 г позволили в дальнейшем обеспечить реконструкцию внешнего вида костюма девочки из кургана у Волошино.

При исследовании погребения выявлены остатки кожи и тканей, которые находились непосредственно на костях и под скелетом и были предварительно интерпретированы как остатки кожаной одежды. Последующее их изучение показало, что кожа имеет в отдельных местах отпечатки тканей. Остатки тонковолокнистой ткани сохранились и на отдельных костях девочки. Это дало возможность сделать предположение относительно внешнего вида костюма и первый вариант его графической реконструкции (рис.23).

Костюм состоял из головного убора в виде кожано-текстильной ленты, широкой рубашки свободного кроя с длинными и широкими рукавами, сшитой из шелка, нижней рубашки, тоже, возможно, шелковой, штанов (шаровар), где тонко и качественно обработанная кожа, с элементами декора, чередовалась с текстильными вставками, возможно, из шелка. В комплект костюма также входила жилетка из кожи, аналогичной коже шаровар. Дополняли костюм мягкие легкие кожаные полусапожки, украшенные бархатными нашивками.

Головной убор

Головной убор принадлежал к типу повязок с кожаной основой и текстильными украшениями (Зубов С.Э., 2000, с.47, 49), имел вид кожаной ленты шириной 2,6-2,7 см, с нашитой поверх шерстяной тканью темного цвета, обвитой более светлой шелковой ленточкой. Остатки головного убора сохранились только на теменных костях (рис.14). Общая длина сохранившейся части – 26 см (около половины всей окружности).

Лицевая часть головного убора вместе с лобной костью черепа оказалась разрушенной. Возможно, именно она имела текстильные или кожаные украшения в виде бахромы, тесьмы, вышивки и комбинации лент, как это известно по этнографическим материалам (Сухарева О.А., 1954, с.124-132; Горленко В.Ф., 1982, с.96-106; Матейко К.И., 1977, с.69-70; Алексеева Т.И. и др., 2002, с.55-58, 63-64; Бубенок О.Б., 2004, с.283-284) и материалам исследований кочевнических погребений степей Евразии (Ельников М.В., 2001б, с.19, 21; Зубов С.Э., 2000, с.49-50; Казаков Е.П., 2000, с.66; Шүтова Н.И., 2000, с.134-135).

Основа головного убора, изготовленная из тонкой, хорошо обработанной некрашеной кожи, обращена к голове мездровой стороной. Край ленты и швы между кожей и тканью сохранились лишь на одном фрагменте длиной 3 мм, где размещался один полный и один полусохранившийся стежок шва – “косой через край”, с небольшим подгибом ткани в 2,1-2,5 мм. Край кожи заходил за подгиб ткани и, возможно, был фестончатым. Размеры фестонов не устанавливаются из-за неполной сохранности раппорта украшения (рис.15).

Шерстяная ткань основы головного убора темного цвета, тонкая, неплотная, простого полотняного переплетения, с частотой плетения нитей в квадрате 1×1 см – 28-30×32-34 ед. Тонина нитей – 0,15-0,18 мм. Кручение не установлено. Судя из числового соотношения нитей в квадрате 1×1 см, нити основы ткани шли вдоль ленты. Ткань относится к высококачественным – I сорта (Крупа Т.М., 2000, с.117).

Шелковая ткань сохранилась в двух фрагментах узкой ленты шириной 1,3-1,4 см, обмотанной наискосок, через основу головного убора (рис.14). Учитывая наличие фестонов на коже, шелковая ткань могла обматывать шерстяную, и вместе с ней пришивалась к коже. То есть эта ткань выполняла функцию украшения всего головного убора, придавая ему своеобразный восточный колорит. Шелковая лента имела светлый цвет, исходя из общей цветовой гаммы костюма, могла быть бледно-желтой или кремовой. Ткань плотной структуры, тонковолокнистая. Тонина одной нити – 0,08-0,10 мм. Частота плетения в квадрате 1×1 см – 50-52×54-56 ед. Основа находилась по длине ленты. Переплетение простое, полотняное. Материал, скорее всего, тонкий, полупрозрачный шелк – шелковая тафта I сорта (Фехнер М.В., 1989, с.555; Крупа Т.М., 2000, с.117).

Этнографически зафиксировано наличие украшений кожаных изделий узелками из тонкого кожаного шнура, продетого в отверстия с изнанки на лицевую сторону, где узелки составляли простейший орнамент (Иакинф, 1851, с.12-17). Именно такой способ, учитывая находку фрагментов кожаных шнуров, был взят в основу реконструкции. Оставались сомнения относительно наличия известного по этнографическим данным головного покрывала (Стамеров К.К., 1978, с.180-195; Калашникова Н.М., 1986, с.124). Учитывая определенное славянское влияние на кочевников в предстепном приграничье Левобережья Днепра и наличие традиции ношения головных уборов, закрывающих волосы, преимущественно замужними женщинами (Матейко К.І., 1977, с.8-22; Николаева Т.М., 1996, с.97-98, 100), а также тот факт, что распространение ислама в среде населения западной части Золотой Орды в

кон.ХІІІ – нач.ХІV в. еще не было повсеместным (Мюллер А., 2004, с.371), для реконструкции был избран вариант головного убора без покрывала (рис.15, 23, 34). Уверенность в этом дополнялась отсутствием археологических данных и следов ткани покрывала в погребении.

Одежда

Верхняя рубашка. Навыпуск, поверх штанов, на девочке была одета рубашка из шелковой ткани, возможно, остатки которой были выявлены позже, во время лабораторных исследований кожи жилетки. Отпечатки ткани рубашки сохранились также в верхней части полос кожи на шароварах и на костях запястий рук погребенной. Крой рубашки восстановлению не подлежит. Не осталось следов ни одного шва, иных конструктивных элементов. В результате исследований установлен лишь факт наличия названной выше детали одежды. Поэтому для возможной реконструкции этой детали костюма был избран этнографический путь поисков соответствий. Возможный вариант кроя рубашки для костюма восстановлен по этнографическим данным (рис.36), на основе кроя крымско-татарского варианта женской рубашки-хамизы (рис.28) (Стамеров К.К., 1978, с.190-191).

Заметим, что именно шелк довольно часто использовался зажиточными кочевниками для изготовления одежды, ведь он не оказывал содействия распространению паразитов и, прежде всего, был показателем высокого социального статуса. Важным было также место изготовления шелковой ткани и ее количество, использованное для пошива костюма, ведь определенные импортные ткани ценились значительно дороже местных, а в особенности шелковые (Орфинская О.В., 2000, с.106-107).

Нижняя рубашка. Учитывая наличие отпечатков ткани на пряжке пояса, можно предположить существование нижней рубашки, более короткой и узкой, нежели верхняя. Материал ее изготовления, скорее всего, был аналогичен предыдущей, что подтверждают отпечатки на металле рамки пряжки.

Крой нижней рубашки также восстановлен по этнографическим исследованиям одежды крымских татар (Дульский П., 1928, с.85), на основе кроя детской бельевой рубашки (рис.27, 35). Именно эта рубашка могла иметь традиционную вышивку, которая выполняла не только эстетичную функцию, но и магическую (Николаева Т.М., 1994, с.165). Условно для воссоздания узора вышивки в реконструкции использованы материалы линейной орнаментики металлических изделий золотоордынского населения, опубликованных Г.А.Федоровым-Давыдовым (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.88, 90, 91).

Жилет. В районе грудной клетки найдены фрагменты жилета прямого покроя, изготовленного из кожи, аналогичной использованной для

шаровар, с остатками зеленой краски, которая сохранилась на завязках (рис.16, 2, 3). Зеленый цвет можно заметить на фотоснимках образцов кожи костюма под микроскопом. Завязки кроились из кожи и состояли из двух половинок каждая, размещенных симметрично на разных полах жилета (рис.23, 37). Каждая половинка завязки имела форму треугольника с одинаковой длиной основ, но разных по высоте. На вершине менее короткого треугольника была пробита дырочка, в которую продевался конец большего треугольника и завязывался простым узелком “на себя” (рис.16, 2; 23). Завязки пришивались к полам жилета за основы. По выявленным деталям, длина завязок составляла 6,0-7,2 см (длинная часть) и 2,0-4,0 см (короткая). На остатках завязок сохранились проколы иглой в местах пришивания – по основе (рис.16, 2, 3). Хорошо сохранился фрагмент завязки длиной 7,2 см и шириной 1,6-2,0 см, а также кусочек треугольной маленькой части завязки – 2,5×3,0×4,0 см. Обнаружено, по крайней мере, еще три таких истлевших комплекта завязок, а также остатки четвертого. На двух комплектах были заметные следы темно-зеленой краски.

При разравнивании кусочка кожи завязки во время лабораторных исследований выявлен фрагмент шелковой ткани. Ткань и нить были монохромными. Материал ткани – культурный шелк (определения Т.М.Крупы), ткань – шелковая камка. Судя по размещению ткани на коже, возможны три варианта интерпретации: ткань могла быть частью аппликации, которая украшала жилет; не исключается вариант, что это фрагмент подкладки жилета; и наименее гипотетический – это часть верхней рубашки. Укажем также, что при микроскопическом увеличении на остатках кожи замечены следы тиснения в виде штриховки параллельными линиями.

Графическая реконструкция жилета (рис.37) осуществлялась по выявленным при раскопках кожаным фрагментам. При этом в процессе реконструктивного воспроизведения было выдвинуто предположение, что длина жилета должна быть на 5-8 см ниже последней из завязок-застежек, одна из которых была обнаружена на тазовых костях погребенного ребенка. То есть общая длина изделия по спинке достигала 65-68 см. Такая длина целиком согласовывалась с данными антропологического изучения скелета девочки.

При этом среди тлена кожи жилета, который находился под костями лопаток, ключиц, позвоночника погребенной, не было ни единого фрагмента со следами сшивания деталей кроя. Хотя кожа сохранилась фрагментарно и довольно ветхо, тем не менее, полно. Поэтому при создании реконструкции избран вариант кроя жилета без срединного шва спинки и плечевых швов (рис.29) – из одной

детали, с двумя боковыми швами. Аналогичные по крою жилеты характерны для населения Татарстана XVIII-XIX в. (Дульский П., 1928, с.24-26), похожие черты кроя отмечаются исследователями еще у скифов (Ключко Л.С., 1984, с.64).

Труднее было определиться с вариантом обработки краев жилета. Всего для данной модели допустимы четыре варианта обработки края изделия: с помощью текстильной или кожаной обтачки стачным швом с изнанки изделия, обработка стачным швом с изнанки при пришивании текстильной подкладки, обработка текстильным или кожаным руликом, обработка художественным плетением краев деталей декоративным кожаным шнуром. Учитывая находки в погребении остатков кожаного шнура, простоту и декоративность изделия, украшенного таким образом, за основу предложен вариант художественного оплетения краев жилета шнуром (рис.30).

Шаровары. Продубленная кожа штанов сохранилась довольно хорошо, а ткань – или в виде отпечатков на коже, или как отдельные нити в швах. Швы выполнены вручную, тонкой иглой (рис.16, 1, 4, 5). Исходя из следов, техника шва – “назад иглой”, расстояние между стежками составляло 0,4 см, длина лицевого стежка – 0,15-0,17 мм, изнаночного – 0,7-0,8 мм (рис.18).

В сгибах швов выявлены остатки отдельных нитей шелковой ткани, которая в целом практически не сохранилась. Исследовать более подробно эту ткань не имелось возможности из-за плохой сохранности нитей, которые рассыпались при очистке.

В целом кожа костюма хорошо обработана (рис.16, 1, 4-6). Она равномерно тонкая, высокого качества, крашенная – сохранились темные пятна, которые могут быть остатками искусственной пигментации (вероятно, зеленого или синего цвета, которые при разрушении пигмента оставляют следы такого оттенка на коже) (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.78).

Каждая штанина шаровар была сшита из восьми длинных полос кожи фигурного кроя, которые напоминали вытянуто-каплеобразную форму, шириной от 4,8 см вверху и до 6,2 см – в расширенной нижней части полосы, и восьми полос ткани неустановленной ширины, размещенных вдоль колош (рис.17). Они держались на пришитом кожаном поясе (рис.10, 2). Подбой пояса достоверно был шерстяным. На поясе впереди крепилась кожаная сумочка-кисет (рис.19). Следов или остатков верхнего пояса из ткани или кожи не выявлено. Это может быть дополнительным свидетельством того, что погребенная не прошла еще обряда инициации и не считалась взрослой (Орфинская О.В., 2000, с.106).

В нижней части расширенные полосы кожи штангин шаровар имели декор – были перфорированы дырочками разного диаметра, размещенными в виде розеток-цветочков неодинакового размера (рис. 16, 1, 7). Перфорация наносилась на уровне не выше колен (рис. 24). Скорее всего, такие дырочки делались с помощью нагретых шильев или пробойника.

Нижняя часть кожаных полос штангин была приспособлена путем пришивания к ткани с целью придания объема и формы. По микроскопическим фотоснимкам хорошо видно, что для обеспечения постоянности формы низа шаровар шов, который соединял кожаные и текстильные полосы между собой, был двойным. Первый раз он прокладывался лишь вдоль края кожаной детали, стягивая при лицевом ходе кожу в мелкие складочки. Ткань пришивалась за вторым прошиванием, причем игла входила с изнанки в отверстия кожаных деталей, которые остались от первого прошивания, захватывая одновременно и текстильную полосу.

Постоянность формы обеспечивалась собиранием низа штанины на кожаный манжет, шириной 2,0-2,5 см, который неплотно прилегал к ноге и убирался в верхнюю часть (голенище) полусапожка, на 12-15 см выше стопы. Остатки одного из таких манжетов, кстати, немного приспособленного голенищем обуви и со следами зеленого окрашивания, были обнаружены при расчистке погребения. Стягивание штанины манжетом придавало ей в нижней части форму восьмилепесткового “цветка”, а достигалось при помощи очень простого приема шитья (рис. 16, 5; 17).

В коллекцию отобраны отдельные куски кожи с остатками швов, проколами иглой, перфорацией, остатками ткани размером от 2,5×5,7 см до 2,9×18,3 см. Всего 14 фрагментов (рис. 16, 40, 41).

В складке между двумя слоями кожи штанов обнаружен тлен тонкой ткани (рис. 16, 4) простого полотняного переплетения. Направление нитей основы и витка не определяется. Частота нитей – 20-22×16-18 на 1 см². Судя по характеристике плетения и тонине нитей (0,2-0,3 мм), это шелковая камка, возможно, окрашенная, так как наблюдаются отпечатки светлых пигментных пятен на коже в местах прилегания ткани. Цвет ткани светлый: желтый или кремовый (ср.: Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 78).

Шаровары и сегодня почти для всех восточных народов являются вместе с рубашкой основой костюма (Стамеров К.К., 1978, с. 190-193). В реконструкции шаровары восстановлены полностью по материалам, обнаруженным в погребении (Супруненко О.Б., Масвська С.В., 2005, с. 76). Единственным авторским предположением оказалось определение ширины текстильных вставок между полосами кожи на штанинах (рис. 17, 23, 24, 38).

Обувь

Остатки кожаной обуви представляют собой пятна тлена подовальной в плане формы, которые окружали кости стоп ног погребенной, а также истлевшие кусочки кожи и нити ткани на нижних частях берцовых костей и отдельных фалангах пальцев ног. Длина пятен тлена вдоль стопы не превышала 16 см, а ширина – 5-7 см. Среди фрагментов кожи отметим истлевшие остатки двойного (перевитого) тонкого кожаного шнура (тонкие полоски кожи шириной в 2-3 мм), незначительные следы зеленой краски. Указанные детали могли быть остатками нашивных украшений сапожек.

Во время раскопок выявлены три небольших фрагмента обуви, один из которых прикипел к нижнему диафизу большой берцовой кости (от 1,2×1,8 см до 1,4×2,0 см). При их микроскопическом исследовании установлено, что обувь была изготовлена, в основном, из кожи, видимо, имела нашивки из ткани и перевитого шнура в виде украшений. Кожа была окрашена в темно-коричневый или черный цвет.

Реконструкция обуви осуществлялась по однотипным находкам на Волошинском курганном могильнике (Супруненко О.Б. та інші, 2006) и в синхронных или несколько более ранних погребальных комплексах (рис. 22, 23, 39), обнаруженных на сопредельных с Левобережным Поднепровьем территориях (Плетнева С.А., 1974, с. 37; Курбатов А.В., 2000, с. 84-85; Колода В.В., 2000б, с. 67-69; 2000а, с. 54-55; Бубенок О.Б., 2004, с. 288-290), а также по имеющимся сведениям этнографического характера (Иакинф, 1851, с. 127; Дульский П., 1928, с. 113-118). Все это дало возможность предположить, что обувь была мягкими полусапожками, без каблуков, с мягкой нашивной замшевой подошвой, наподобие согдийских или иранских полусапожек, которые приобрели распространение в среде евразийских кочевников с XII-XIII вв. под влиянием ближневосточной моды (Арутюнов С.А., 1989, с. 75-78; Курбатов А.В., 2000, с. 85). Внутри сапожек находились войлочные стельки (рис. 22, 2), прошитые с внешней стороны готового изделия сквозь кожу швом “строчка” (рис. 22, 3). Этим же швом пришивалась подошва обуви из замши черного цвета (возможно, местное производство?). Двойной перевитый шнур рассматривается как сугубо функциональный и конструктивный элемент и, вместе с тем, как средство декорирования, которое позволяло стягивать штанины на икре ноги (рис. 22), обеспечивая надежное крепление и прилегание обуви (Лантратова О.Б. и др., 2002, с. 46-48).

Сохранились остатки бархата, который скипелся с кожей обуви. Показателен фрагмент размером 0,4×0,2 см, который не отделялся от кожи и был разрушен при исследовании. Вероятно, именно

этим бархатом и декорировались отдельные части обуви. Возможный вид полусапожек в реконструированном виде представлен на рис.39.

Цветовая гамма костюма. При исследовании погребения было зафиксировано наличие темного зеленовато-коричневого цвета кожаных остатков одежды. Судя по светлым пятнам в местах прилегания остатков ткани к коже, можно сделать вывод о применении для окрашивания текстиля костюма (ткань 2) светлого красителя – желтого или кремового цвета. Исходя из данных соображений, при реконструкции избрана именно такая цветовая гамма костюма (рис.34-38), основанная на этих цветах и близких к ним оттенках.

Однако Т.Н.Крупа в выводах лабораторных исследований кожаных фрагментов костюма после промывания указывает на наличие “на фрагменте кожи завязки жилетки... следов [краски] красно-коричневого цвета, которые могут свидетельствовать, что... жилетка, к которой плотно прилежала завязка, была красной...”. Далее приводится замечание: “Однако остатков красителя очень мало, поэтому мы не имели возможности выяснить его происхождение. Можем только утверждать (в качестве гипотезы), что в процессе ямного дубления использовалось сырье, которое могло прокрасить кожу красно-коричневым оттенком” (Крупа Т.М., 2005, с.67).

Относительно тканей Т.Н.Крупа сначала утверждает о невозможности установления их цвета, а позже приводит данные о “равномерном наличии красного красителя на отдельных линиментах шелка” (Крупа Т.М., 2005, с.68). Тем не менее, ни мы, ни Т.Н.Крупа не можем утверждать однозначно об использовании ткани не просто с одинаковыми ткацкими характеристиками (хотя это и логично, если шелк был импортного происхождения), но и одинакового цвета для всех элементов костюма. Вообще, такого категоричного вывода быть не может для любой версии, учитывая плохую сохранность и фрагментарность текстильного материала.

Как видим, ни одна из версий точного установления цвета не может быть научно обоснованной без дополнительных исследований. Поэтому остаемся приверженцами первой гипотезы, в основе которой – факт, зафиксированный непосредственно во время раскопок погребения.

Учитывая оттенок окраски кожаных деталей под поверхностным зеленым цветом, очевидно, следующего за дублением окрашивания, можно сделать предположение относительно обработки кожи одним из трех красителей-дубителей: кора яблони, ели или вербы (Щавинский А.В., 1935). Важным является определение красителей, которые дали коричневато-зеленый цвет по красно-коричневому оттенку продубленной кожи. Поскольку опреде-

лить точно дубитель не было возможности, рассмотрим все три варианта вероятного использования возможных дубителей.

Если в процессе дубления применялась кора ели, которая дает густой оттенок красно-коричневой краски, то нужно было использовать на втором этапе крашения кору дуба для получения синеватого оттенка, заглушающего красноватый цвет кожи, а потом осветлить синий цвет крашением кожи в настое коры вереска. Кора вереска давала интенсивный желтый цвет, а по окрашиванию корой дуба – именно коричнево-зеленоватый оттенок (Щавинский А.В., 1935). Вероятно, такая технология крашения и применялась при получении цветовой гаммы кожаных деталей костюма.

Если же при дублении использовалась кора яблони, дававшая мягкий и несколько желтоватый оттенок красно-коричневой краски (учитывая ее возможность изменить тон в условиях пребывания в агрессивной среде погребения), то естественным будет предположить, что для получения синего оттенка применялось окрашивание в настое корня дикого калгана, который давал более мягкий и светлый оттенок, чем кора дуба, а наложение по калгану мягкого желтого красителя осуществлялось настоей корня шавеля.

Использование коры вербы (красотала) с неравномерным, пятнистым прокрашиванием кожи при дублении требовало более качественного окрашивания при вторичной обработке (Щавинский А.В., 1935). Для этого по синему цвету от коры дуба мог использоваться красно-желтый краситель из настоя коры дикой яблони. Все эти технологические цепочки окрашивания кожи вполне возможны в конкретном случае и могли осуществляться с помощью местного сырья.

Относительно самой технологии крашения, то она остается неизвестной. Нужно лишь отметить, что краска наносилась только на лицевую поверхность кожи, так как мездровая ее сторона оставалась неокрашенной. Сохранилась первичная цветная гамма, приобретенная при дублении, и на лицевой стороне кожи в микроскладках (рис.41), которые свидетельствуют об отсутствии операции замачивания при вторичном окрашивании. Возможно, что вторичное окрашивание проводилось во время шлифования поверхности кожи как составляющий побочный результат этого процесса или как самостоятельный технологический процесс, что-то наподобие цветной набойки по коже. Вероятным кажется и вариант крашения кожи без замачивания, с нанесением измельченных и увлажненных красящих материалов на расправленную, предварительно продубленную кожу.

Таким образом, предметы убора девочки-кочевницы составляют функционально целесо-

образный и эстетично завершенный, наперное, "выходной" костюм ребенка, предназначенный для торжеств, использовавшийся еще при жизни (рис.24). Ведь "в эту эпоху умерших хоронили в их обычной одежде, а не в специально изготовленной для этого случая" (Иерусалимская А.А., 2000, с.59).

На первый взгляд, кажется, что костюм более похож на комплексы восточной народной одежды (рис.25), а на территорию Днепровского Левобережья привнесен золотоордынскими кочевниками. И все же существуют параллели в отдельных деталях костюма с более ранним временем, например, с традиционной одеждой скифов (полосы на штанах, которые могли изготавливаться в виде нашивных кожаных накладок, использование безрукавной плечевой одежды – жилетов и т.п.) (Клочко Л.С., 1984, с.64; 1992, с.10-13), убором населения салтовской культуры, других кочевых народов степей Евразии (обувь, имевшая схожие конструктивные черты). Заметно и определенное влияние соседних славянских племен (некоторые детали головного убора).

Можно проследить как, в свою очередь, влияет кочевнический костюм XIV в. на исторически более поздние комплексы одежды, например, казацкие. Это, вне сомнения, заимствование шаровар, чрезвычайно удобных для верховой езды, тех же жилетов, использование одежды, цельнокроеной в плечевых швах (сорочки-чумачки) (Стамеров К.К., 1978, с.160; Николаева Т.М., 1996, с.60). То есть на примере лишь одного исследованного комплекса одежды можно провести исторические параллели, которые позволяют проследить процесс сложения традиционных комплексов народных костюмов разных регионов Украины, весомый вклад в него кочевнической, в частности, золотоордынской материальной культуры.

Учитывая присутствие среди остатков костюма высокосортных импортных тканей, изделий из качественно обработанной окрашенной кожи с большим количеством декоративных деталей, вероятно, привозной сумочки, а также общий художественный замысел в выполнении одежды, обувь, шитую по иностранным образцам, все эти детали убора можно считать продукцией ремесленников одного из городских золотоордынских центров. Подобные комплекты одежды должны были в то время выполняться на заказ и стоили довольно дорого. Поэтому вполне вероятно, что погребение могло принадлежать ребенку из семьи десятника-даруги – представителя улусной администрации или золотоордынского хана в кочевнической среде предстепного пограничья на Левобережье Днепра, который осуществлял сбор налогов в пользу местного или верховного правителя Золотой Орды (Федоров-Давыдов Г.А., 1973, с.93-94).

Исследованный погребальный комплекс, включавший непосредственно погребение девочки, жертвенную яму с захоронением останков коня, а также остатки костра, осуществленный в специально подсыпанном для этого древнем кургане, претендует на признание его довольно редким и включение в число наиболее выразительных памятников золотоордынской эпохи предстепных просторов Днепровского Левобережья Украины. Об этом свидетельствует не только наличие среди остатков напутственного инвентаря фрагментов повозки и текстильно-кожаного костюма юной кочевницы, что уже само по себе неординарно в изучении погребального обряда этой эпохи, но и то, что с исследования кургана 9 начались охранные раскопки новых, одних из наиболее северных на территории украинской лесостепи, курганного и грунтового некрополей золотоордынской эпохи у с.Волошино Дмитровского сельского совета г.Комсомольск на Полтавщине. Именно здесь на протяжении 2003-2005 гг было исследовано 15 подкурганых погребений, а также грунтовой некрополь, принадлежащие, вероятно, двум-трем поколениям жителей кочевнического стойбища неподалеку от днепровских и пселских переправ в Редутах и в низовье Псла.

Наличие выразительного сопутствующего инвентаря, деталей повозки, остатков костюма и обуви, захоронение частей коня в отдельной яме слева от погребенной указывают на время сооружения этого комплекса – монгольскую эпоху. Сходство конструкции гробовища с половецкими решетчатыми гробами (Безверхий А.П., 1991, с.120-122), соблюдение языческих традиций во время осуществления погребального обряда (ориентация в южном секторе, лицом к востоку) также позволяют отметить постепенное нивелирование отличий между разными группами кочевников восточноевропейских степей в 1-й пол.XIV в. во время завершения процесса образования на различной этнической основе единого кочевнического населения Западного улуса Золотой Орды (Добролюбский А.О., 1986, с.78), с преобладанием в Приднепровье половецко-торкской культурной традиции.

Результаты изучения погребения I кургана 9 у Волошино позволяют предположить, что погребение девочки было осуществлено в конце весны или в начале осени, учитывая характер комплекта костюма (рис.33, 39), и датировать его нач. – 1-й пол. XIV века. Этому не противоречит наличие в составе инвентаря игрально-гадальных костей, других вещей, прежде всего, деталей повозки, несовместимых с мусульманской погребальной традицией (Мюллер А., 2004, с.371-372), преобладающей на

золотоордынском пограничье – границе с лесостепными землями Днепровского Левобережья во 2-й пол. XIV в.

Реконструированные детали текстильно-кожаного костюма девочки-кочевницы монгольской эпохи позволяют чуть ли не впервые для степных древностей XIV в. получить представление о детской одежде и обуви, а осуществленные одонтологические исследования – о состоянии здоровья де-

тей и взрослого населения порубежных предстепий Днепровского Левобережья, медицинских знаниях и возможностях того времени.

Проведение подобных комплексных исследований кочевнических погребальных древностей у Волошино планируется продолжить, учитывая наличие не менее интересных и выразительных находок на этом, уже полностью исследованном, памятнике.

Приложение

Антропологические данные

В ходе археологических исследований 2003 г впускных золотоордынских погребений в курганах 8-11 группы I (Стовбуватой могилы) получены выразительные антропологические материалы. Это позволяет реконструировать как внешний вид, так и получить весомый объем информации о физическом состоянии населения кон. XIII – XIV в. лесостепного Днепровского Левобережья. В исследованных в 2003 г погребениях кочевников идентифицировано четыре индивида (Супруненко О.Б., Приймак В.В. та інші, 2004, с.82). Среди них отличается неординарное погребение ребенка – девочки из кургана 9, скелет которой сохранился значительно хуже других.

В условиях анализа поврежденных патологией и временем анатомических частей человека использование альтернативных методов определения физического состояния индивида имеет особое значение. Ответы на многочисленные вопросы могут быть получены не только традиционными, классическими антропологическими методами, но и путем изучения заболеваний древнего населения по костным останкам (Бужилова А.П., 1998, с.138-140; Пономарев Д.Ю., 2001, с.240-245; 2004б, с.186-195; 2004а, с.278-285; Козак Д.Н., Козак О.Д., 2004, с.75-86; Радочин В.Ю., 2004, с.293-295).

В разделе осуществлена попытка воспроизведения состояния здоровья ребенка по полученным данным о болезнях зубочелюстной системы (далее – ЗЧЛ система), для чего использован стандартный пакет признаков, который применяют для определения патий в Лаборатории медицинской и исторической антропологии ЦОИПА (Артемьев А.В., 2002, с.277-280).

Для медицинских сравнений и сопоставлений представлен относительно полный, но фрагментированный скелет (рис.6). Мозговой отдел репрезентирован мелкими фрагментами костей. Наличие такой совокупности отдельных косточек и их фрагментов вызвано незавершенностью сращивания

сочленений костяка. На нижнем посткраниальном отделе скелета, который сохранился лучше, эпифизы легко отделяются от диафизов, что характерно для молодого индивида (отвечает возрастному интервалу приблизительно 11 лет). В обломках сохранилась и ЗЧЛ система. В наличии 28 зубных органов, молочных и постоянных зубов и их фолликулов.

В связи со сравнительно короткой продолжительностью жизни объекта исследований особую роль в определении половозрастной категории играет именно ЗЧЛ область. Размеры и описательная характеристика постоянной смены зубов (Дмитренко С.В. и др., 2000) свидетельствуют в пользу того, что индивид принадлежал к женскому полу. Возраст может быть установлен в довольно узких границах. Степень формирования корневой системы прорезавшихся зубов постоянного прикуса незначительна – на этапе 11 лет, как и степень рассасывания корней молочных жевательных органов, которые находятся в окклюзии. Период прикуса сменный. Скелет идентифицирован как детский (девочка) в возрасте 11-12 лет. Состояние частей черепной крышки с небольшими участками оставшихся швов также не противоречит возрасту около 12 лет.

Тип строения прикуса ортогнатический (физиологическая норма). Форма вестибулярной поверхности фронтальной группы постоянных зубов – треугольная, что указывает на подобную форму лица (Головко Н.В., 2003, с.163).

Наличие зубного налета (далее – ЗН) на молочных зубах свидетельствует о нарушениях обменных процессов в организме ребенка. Минерализованные отложения отмечены и на зубах постоянной дифиниции (более выражены на боковых сегментах зубных дуг).

Прослежен бороздчатый вид системной гипоплазии постоянной смены – следы болезней, кото-

рые преследовали человека с момента рождения до 6 лет (и в антенатальном периоде). Очаги гипоплазии локализуются на вестибулярной поверхности, режущих краях всех центральных, боковых резцов, клыков, буграх и экваторе первых моляров, жевательных, щечных поверхностях фолликулов премоляров и на втором моляре, то есть на прорезавшихся постоянных зубах, их фолликулах и недопрорезавшихся (готовых к появлению) дентальных органах.

Гипоплазия (hypoplasia) расценивается как недостаток развития, который является следствием недоразвития зуба или его тканей. Наиболее глубокой формой выражения гипоплазии является аплазия – врожденное отсутствие части или всей эмали (Боровский Е.В. и др., 1988, с.106-109). Развивается эта патия при нарушении функции амелобластов, а в тяжелых случаях (при нарушении дентинообразования) – одонтобластов. Такая аномалия наступает при разладе метаболических процессов в зубах, которые развиваются (под действием экзогенных и эндогенных факторов) и проявляются как в количественной, так и в качественной потере эмали зубов (Кучевляк В.И., 2002, с.62-77). К эндогенным относятся аномалии закладки клеток зародыша, к экзогенным – факторы, негативно влияющие на клетки плода или органа.

Кроме указанного выше, гипоплазию диагностируют у детей, перенесших рахит (гипо- и гипервитаминозы Д), острые инфекционные заболевания желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) и расстройство пищеварения – диспепсии, а также при недостаточности эндокринных желез.

Недостаточность желез внутренней секреции исключить или подтвердить по существующим материалам проблематично. Диспепсии совместимы с диагнозом девочки, учитывая подвижный образ жизни перед “оседанием” кочевнического сообщества в низовье Псла, как следствие адаптации к новым условиям жизни.

Гипоплазию эмали современные авторы рассматривают как заболевание полиэтиологическое. Независимо от вызвавшей ее причины механизм этого процесса одинаков. По расположению гипоплазированного участка можно установить возраст, когда проходило формирование нарушения в фолликуле зуба (хронологическое отображение). Ширина пораженного участка указывает на продолжительность периода, а количество полос свидетельствует о том, сколько раз возникало подобное нарушение метаболизма. У девочки можно вычислить и установить количество таких отклонений.

Насчитывается, по крайней мере, 5 широких и глубоких бороздок, где просвечивает дентин, – отсюда полосы светло-серого цвета. Труднодоступно для подсчета количество узких и неглу-

боких бороздок в этих зубах. Патия проявлялась приблизительно в возрасте с 6 месяцев (с момента рождения) до года и после года жизни, продолжаясь до 3-4 лет, далее – к прорезыванию первых постоянных зубов (6 лет). То есть можно отметить не меньше пяти вспышек заболевания (возможно и больше). Вероятно, болезнь рецидивировала, не исчезая совсем.

Локализация участка на коронке зуба, как и групповая принадлежность пораженных зубов, большей частью зависят от возраста, в котором происходило формирование причин разрушения твердых субстанций эмали и дентина. Элементы деструкции эмалевого органа сначала проявляются в области режущей поверхности резцов, бугров первых постоянных моляров (как и в случае с ребенком, что свидетельствует о нарушении функций амелобластов с начального отсчета времени формирования эмали зуба). Это недоразвитие эмали в первые месяцы жизни (5-6 мес. после рождения). На 8-9 мес. формируются вторые резцы и клыки. При заболевании в этот период участки гипоплазии появляются возле режущего края, в то время как в центральных резцах и шестом зубе (первых молярах) недоразвитая эмаль локализуется на уровне экватора (ведь половина коронки уже сформирована). Нарушения обмена веществ в организме проявляется на всех зубах, которые формируются одновременно, но после прорезывания. Участки недоразвитой эмали на разных группах зубов находятся на разных уровнях (потому что сроки формирования зубов не одинаковы). Именно это мы и наблюдаем на органах зубо-челюстнолицевой системы девочки из Волошино, а значит, можно считать, что обострения и разгар болезни в эти периоды действительно доказаны. При повторных или долгодействующих соматических нарушениях у детей до 3-4 лет системной гипоплазией поражаются и все остальные постоянные зубы (что имеется в анализируемом случае). Именно это указывает и на продолжительность протекания болезни у ребенка XIV века.

Все перечисленное может служить подтверждением фактов частых болезней матери (по крайней мере, в период вынашивания плода) и самого ребенка в период его жизни. Складывается впечатление, что такой “букет” объединения патологий подорвал здоровье ребенка. Хронические болезни или недоедание, вызванное болезнью, и привели к смерти девочки. Гипоплазия и кариес молочного зуба в нашем анализе все же перевешивают на чашах весов при выборе выводов относительно состояния здоровья девочки в пользу, скорее, хронической болезни, нежели голода. Надо указать и на то, что здоровье ребенка “тлело” в окружении забот зажиточной семьи кочевника. Это предпола-

гает и наличие определенного медицинского ухода, со знанием основ течения указанных выше заболеваний, свойственных знахарям позднего средневековья.

Такую клиническую картину удалось установить для жительницы лесостепи Днепровского Левобережья нач.XIV века. Отметим, что изучение медицинских показателей кочевого населения начала позднего средневековья для данного микрорегиона Украины только начинается. Существует еще довольно мало сведений о физическом статусе жителей золотоордынской эпохи для того, чтобы апликационно переносить достижения современной медицины применительно к тому времени (Алексеева Т.И. и др., 2002, с.7-9). Для установления параллелей и соотношений еще должен накопиться определенный минимум массовых данных.

Вместе с тем, по результатам исследований четырех индивидов из впускных погребений кочевников в курганах 8-11 группы I Стовбуватой могилы вблизи с.Волошино (Супруненко О.Б. та інші, 2003-2004, арк.12-13) можно утверждать, что население золотоордынского времени вело подвижный, довольно "неспокойный" образ жизни, который улавливается относительно высокой степенью зубо-челюстнолицевых изменений, использованием зубов в технических целях, наличием погребений зрелых людей, возраст которых далек от старческо-

го. Не может быть и речи о каком-либо регулярном употреблении ими пищи. Косвенным маркером этого выступают некоторые качественные индикаторы ЗН. Они удостоверяют очевидное хаотическое принятие пищи (от случая к случаю), с длительными перерывами, которые чередовались в дальнейшем с не менее продолжительным жеванием. Продукты такого питания не отличались ни жесткостью (имеется массивный ЗН), ни особой калорийностью (гипоплазия), ни однообразием в приготовлении ("разные кухни"). Выводы наталкивают на мнение о преобладании в рационе мясных блюд (не исключаются вяленое мясо, солонина) над другими видами диет. Белки животного происхождения и кисломолочные продукты служили основой рациона (пищи могло быть и вдоволь, хотя в ней преобладали одни и те же микроэлементы и ингредиенты). Надо понимать, что сдвиги в таком независимом маркере как болезни зубов формировались с малых лет, что и находит отражение в строении и особенностях одонтологического блока.

Изучение костных останков погребенных указывает на очевидные следствия инвазии разных комплексов хозяйствований, скорее, на пришлый характер кочевнического населения, которое вобрало в свой состав определенные местные компоненты, что характерно именно для финала третьей стадии кочевания (Плетнева С.А., 2003, с.13-16).

А.В.Артемьев

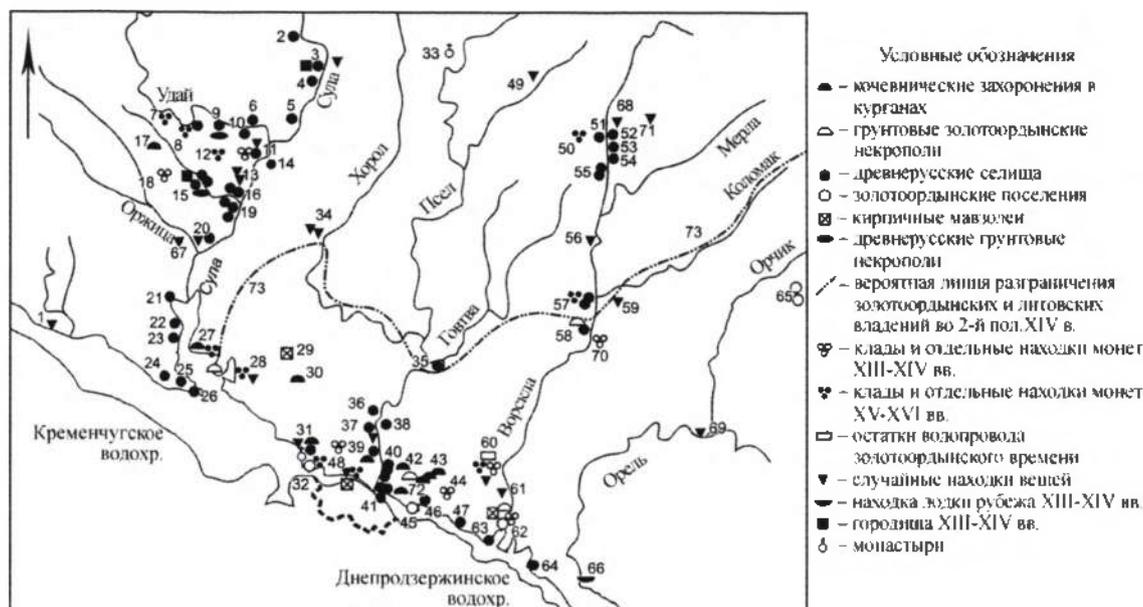

Рис. 1. Карта памятников золотоордынского времени междуречья Орели и Сулы. 1 – Панское; 2 – Лохвица; 3 – Сенча, Никольская горка; 4 – Сенча, ур.Сампсонов остров; 5 – Снитын; 6 – Городище; 7 – Пирятин; 8 – Повстин; 9 – Лушники; 10 – Хитцы; 11 – Лубны; 12 – Лубенский р-н; 13 – Малый Вязовок; 14 – Засулье; 15 – Александровка, гора Прися и окрестности; 16 – Вязовок, устье р.Слепород; 17 – Зарог; 18 – Оржицкий р-н; 19 – Мацковцы, ур.Городище и Каблучка; 20 – Тарасовка; 21 – Большая Буримка; 22 – Ляшевка; 23 – Клищенцы; 24 – Веремеевка; 25 – Жовнин; 26 – Воинская Гребля; 27 – Шушваловка; 28 – Пронозовка; 29 – Веселый Подол; 30 – Устимовка; 31 – Градизжск и окрестности, гора Пивиха; 32 – Максимовка; 33 – Гадяч, окрестности, Красногорский монастырь; 34 – Хорол; 35 – Говтва; 36 – Остапье; 37 – Манжеля; 38 – Запселье; 39 – Омельник, Давыдовка; 40 – Дмитровка и хут. Суки; 41 – Комсомольск, Золотнишено; 42 – Подлужное (Солонцы), курган Цегельня; 43 – Волошино, Еристовка, курган Кормилица; 44 – Саловка; 45 – Келеберда; 46 – Павловка; 47 – Григоро-Бригадировка; 48 – Белецковские плавни, Кременчуг; 49 – Зеньков; 50 – ур.Скоробор; 51 – Бельск; 52 – Котельва, ур.Рубежное; 53 – Млинки; 54 – Деревки; 55 – Глинское; 56 – Михайловка; 57 – Полтава; 58 – Старые Санжары (Решетники); 59 – Макуховка, ур.Белая Гора; 60 – Кобеляки; 61 – Правобережная Сокилка; 62 – Правобережные Кишеньки; 63 – Переволочная; 64 – Радянское; 65 – Красноград и окрестности; 66 – Царичанка; 67 – Оржица; 68 – Котельва, окрестности; 69 – Русский Орчик; 70 – Малая Перещепина; 71 – Пархомовка; 72 – Дуканычи.

Fig. 1. A map of the Golden Horde time monuments of Orel and Sula interfluvial. 1 – Panskoie; 2 – Lokhvitsa; 3 – Sencha, Nikolskaia gorka; 4 – Sencha, Sampsonov ostrov natural boundary; 5 – Snityn; 6 – Gorodische; 7 – Piriatin; 8 – Povstin; 9 – Lushniki; 10 – Khitsy; 11 – Lubny; 12 – Lubny region; 13 – Malyi Viazovok; 14 – Zaslulie; 15 – Aleksandrovka, Prysia mountain and its outskirts; 16 – Viazovok, a mouth of Slepород river; 17 – Zarog; 18 – Orzhitsa region; 19 – Malskovtsy, Gorodische and Kabluchka natural boundaries; 20 – Tarasovka; 21 – Bolshaia Burimka; 22 – Liashevka; 23 – Klishentsy; 24 – Veremeievka; 25 – Zhovnin; 26 – Voinskaia Greblia; 27 – Shushvalovka; 28 – Pronozovka; 29 – Vesiolyi Podol; 30 – Ustimovka; 31 – Gradizhsk and its outskirts, Pivikha mountain; 32 – Maksimovka; 33 – Gadiach and its outskirts, Krasnogorskiy monastery; 34 – Khorol; 35 – Govtva; 36 – Ostapie; 37 – Manzhelia; 38 – Zapselie; 39 – Omelnik, Davydovka; 40 – Dmitrovka and Suki steading; 41 – Komsomolsk, Zolotnisheno; 42 – Podluzhnoie (Solontsy), Tsegelnia barrow; 43 – Voloshino, Yeristovka, Kormilitsa barrow; 44 – Salovka; 45 – Keleberda; 46 – Pavlovka; 47 – Grigoro-Brigadirovka; 48 – Beletsovskii overflow land, Kremenchug; 49 – Zenkov; 50 – Skorobor natural boundary; 51 – Belsk; 52 – Kotelva, Rubezhnoie natural boundary; 53 – Mlinki; 54 – Derevki; 55 – Glinskoie; 56 – Mikhailovka; 57 – Poltava; 58 – Staryie Sanzhary (Reshetniki); 59 – Makukhovka, Belaia Gora natural boundary; 60 – Kobeliaki; 61 – Right-bank Sokilka; 62 – Right-bank Kishenki; 63 – Perevolochnaia; 64 – Radianskoie; 65 – Krsnograd and its outskirts; 66 – Tsarichanka; 67 – Orzhitsa; 68 – Kotelva and its outskirts; 69 – Russkiy Orchik; 70 – Malaia Pereshchepina; 71 – Parkhomovka; 72 – Dukanychi

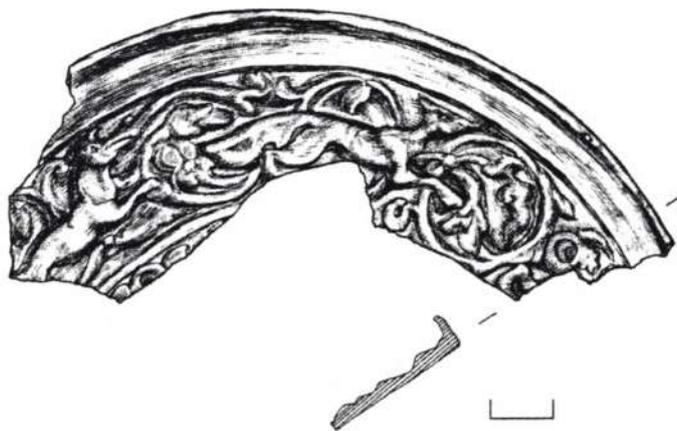

Рис. 2. Малий Вязовок. Лубенський р-н Полтавської обл., околиці. Фрагмент зеркала. Олов'яниста бронза. Знахідка А.В.Сидоренко, 2005 г.

Fig. 2. Malyi Viazovok. Lubny region of Poltava province, the outskirts. A fragment of a mirror. Tin-base bronze. A.V.Sidorenko's find, 2005

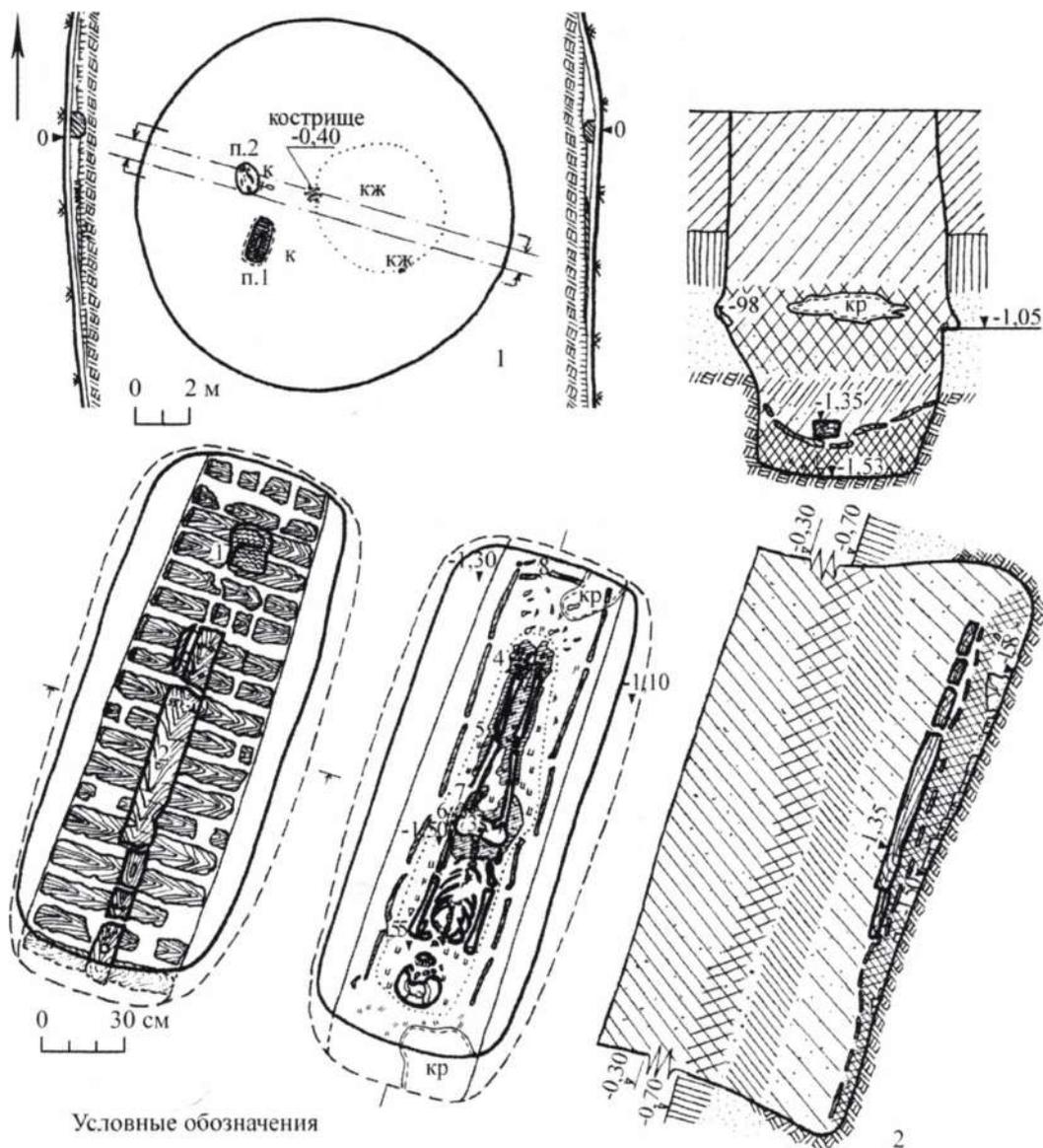

Условные обозначения

☆ – курганы, исследованные в 2004-2005 гг; ★ – курганы, исследованные в 2003 г

Рис. 3. Волошино. План размещения I, II и III курганных групп, местонахождений и отдельных насыпей. По исследованиям 2003-2005 гг.

Fig. 3. Voloshino. The layout of the I, II and III barrow groups, sites and separate mounds. Based on research of 2003-2005

Условные обозначения

	— суньсь серого цвета		— кро товины		— дерево
	— мешаный грунт		— остатки кожи		— угли
	— черноземно-супесчаное заполнение		— козрише		— дерн
	— погребенный грунт		— следы подстилки		— следы кожаной одежды
	— материк		— остатки войлока		— береста
	— темно-супесчаное заполнение		— кожаный тлен		— песок
	— мешаный грунт темного цвета		— кости животных		
	— границы первичной насыпи		— фрагменты керамики		

Рис. 4. Курган 9: 1 — общий план кургана и профили бровки; 2 — общие планы и разрезы погребения 1. На плане погребения цифрами обозначены: 1 — берестяной сосуд; 2 — детали деревянной повозки; 3 — кожаная петля и завязка; 4 — остатки кожаной обуви; 5 — остатки кожи от штанов; 6 — развал железного ножа; 7 — остатки кожаной сумочки-кисета с астрагалами; 8 — фрагмент железной пряжки.

Fig. 4. Barrow 9: 1 — the general layout of the barrow and edge sections; 2 — the general layouts and sections of burial 1. On the layout of burial the figures indicate: 1 — a birch bark vessel; 2 — parts of a wooden horse-drawn vehicle; 3 — a leather loop and lace; 4 — remains of leather footwear; 5 — remains of trousers leather; 6 — remains of an iron knife; 7 — remains of a leather handbag-pouch with astragals; 8 — a fragment of an iron buckle

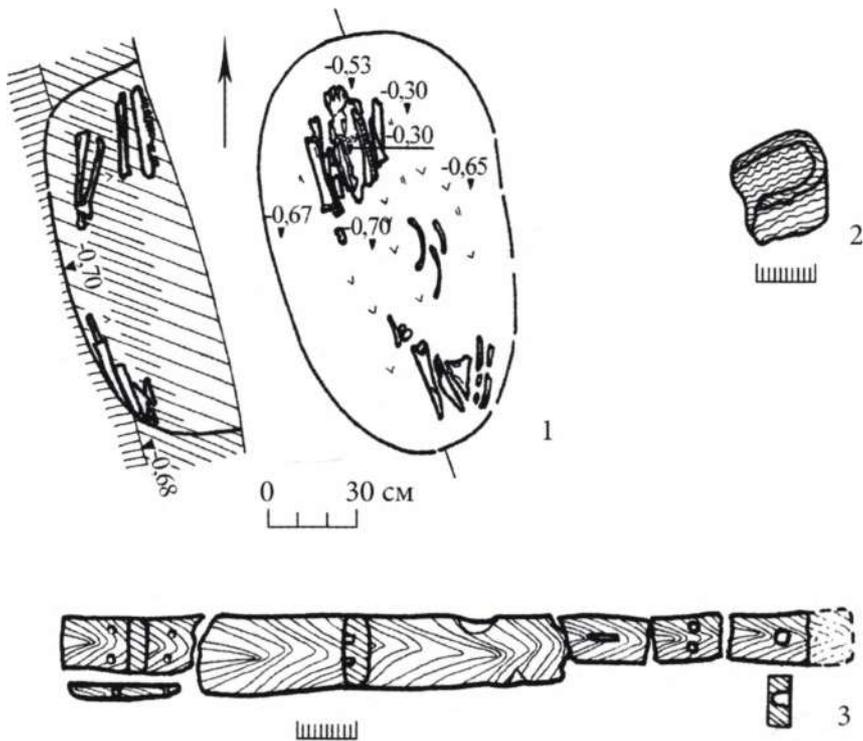

Рис. 5. Курган 9: 1 – общий план и разрез погребения 2; 2 – берестяной сосуд; 3 – деталь деревянной повозки (2, 3 – погребение 1).

Fig. 5. Barrow 9: 1 – the general layout and section of burial 2; 2 – a birch bark vessel; 3 – a part of a wooden horse-drawn vehicle (2, 3 – burial 1)

Рис. 6. Погребение 1. Вид с юго-востока.

Fig. 6. Burial 1. A view from the southeast

Рис. 7. Погребение 1. Фрагменты деталей деревянной повозки с отверстиями и выборками.
Fig. 7. Burial 1. Fragments of parts of a wooden horse-drawn vehicle with apertures and carvings

Рис. 8. Погребение 2. Общий вид ямы (нижняя часть) с запада.
Fig. 8. Burial 2. A general view of the grave (the bottom part) from the west

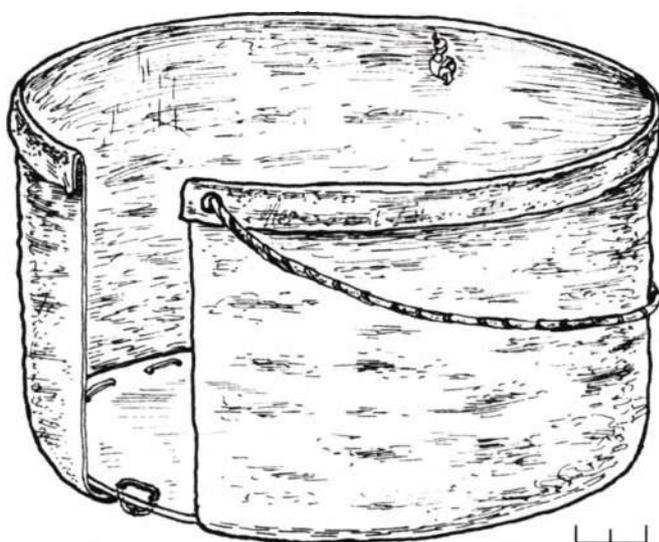

Рис. 9. Погребение 1. Берестяной сосуд. Реконструкция А.Б.Супруненко, рис. Т.В.Менчинской.
 Fig. 9. Burial 1. A birch bark vessel. A.B.Suprunenko's reconstruction, T.V.Menchinskaja's drawing

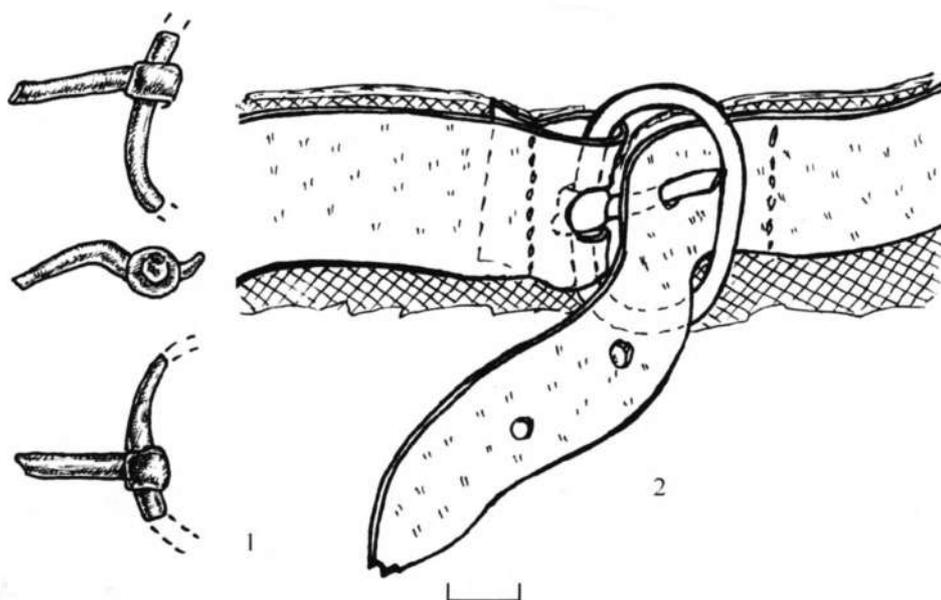

Рис. 10. Погребение 1: 1 – обломок пряжки; 2 – реконструкция ее крепления к поясу. Реконструкция А.Б.Супруненко, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 10. Burial 1: 1 – a fragment of a buckle; 2 – reconstruction of buckle fastening to a belt. A.B.Suprunenko's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

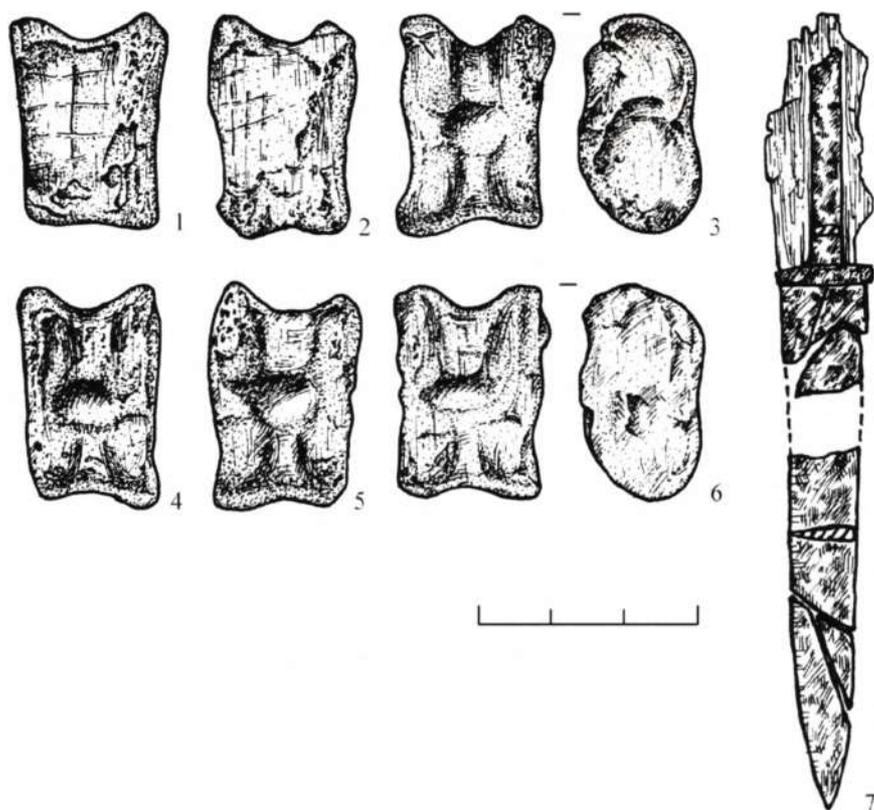

Рис. 11. Погребение 1: 1-6 – астрагалы; 7 – нож.
 Fig. 11. Burial 1: 1-6 – astragals; 7 – a knife

Рис. 12. Погребение 1. Фрагменты ножа. Железо, дерево, наклепшая кожа.
 Fig. 12. Burial 1. Fragments of a knife. Iron, wood, attached leather

Рис. 13. Погребение 1. Фрагменты кожаной сумочки-кисета и астрагалы.
Fig. 13. Burial 1. Fragments of a leather handbag-pouch and astragals

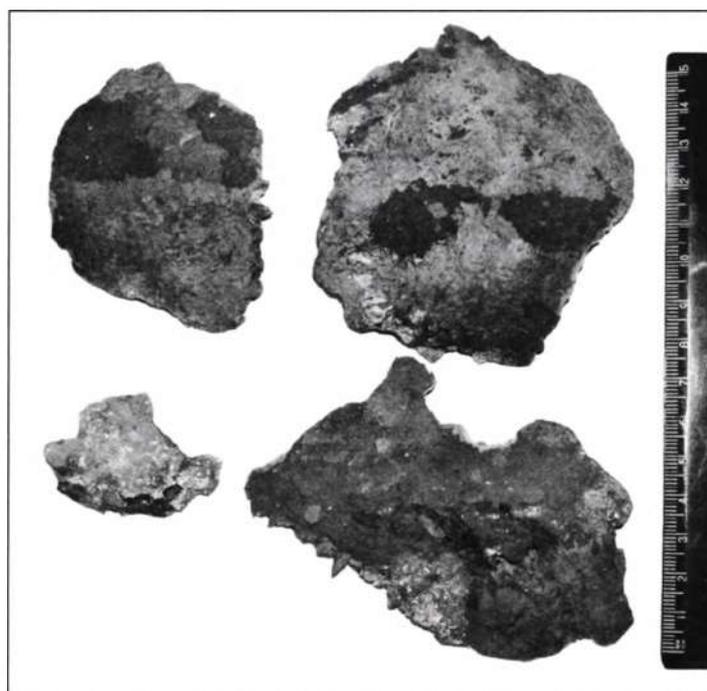

Рис. 14. Погребение 1. Кости черепа с отпечатками ленты и войлока.
Fig. 14. Burial 1. Bones of a skull with prints of a fillet and felt

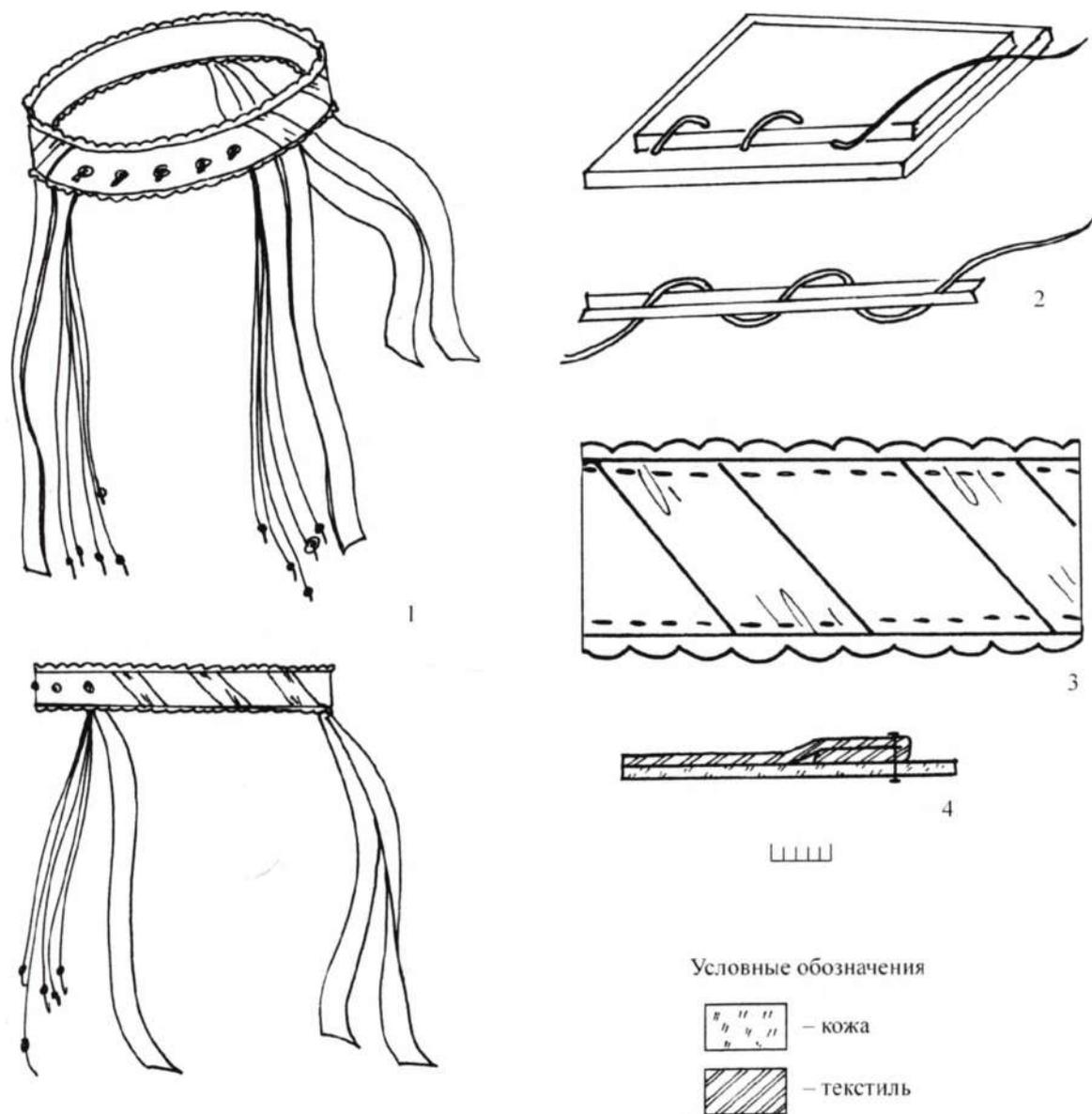

Рис. 15. Погребение 1. Реконструкция головного убора: 1 – вид спереди и сбоку; 2 – размещение материалов; 3 – схема декорирования шерстяной ленты тканью; 4 – схема шва. Реконструкция С.В.Маевской, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 15. Burial 1. Reconstruction of a headdress: 1 – the frontal and lateral views; 2 – positions of materials; 3 – the scheme of decoration of a woolen fillet by fabric; 4 – the scheme of a seam. S.V.Maievskaja's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

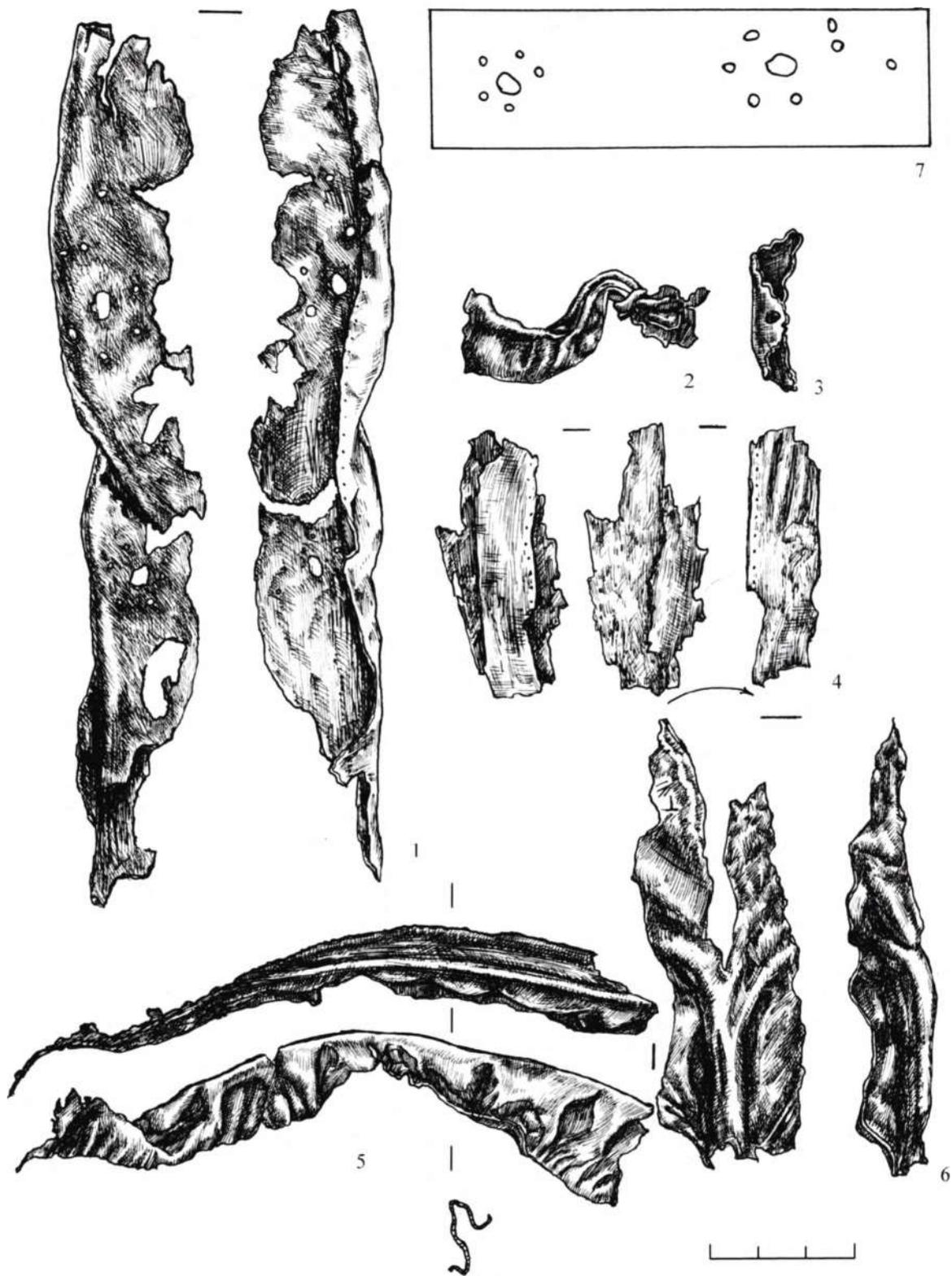

Рис. 16. Погребение 1: 1, 4-6 – фрагменты кожно-текстильных шаровар; 2, 3 – фрагменты жилета; 7 – перфорированный орнамент кожаных полос на штанинах.

Fig. 16. Burial 1: 1, 4-6 – fragments of leather-textile wide trousers; 2, 3 – fragments of a waistcoat; 7 – the perforated ornamentation of leather strips on trousers legs

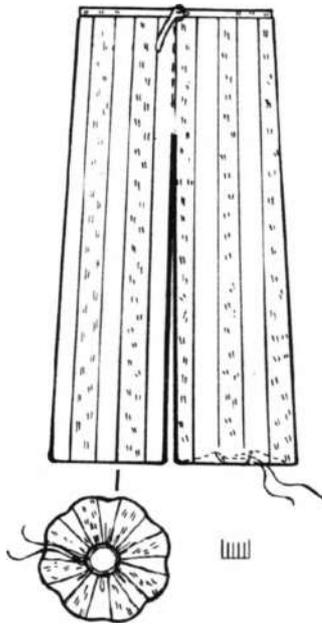

Рис. 17. Погребение 1. Кожаные шаровары и оформление основы штанин. Реконструкция С.В.Маевской, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 17. Burial 1. Leather wide trousers and design of a basis of trouser legs. S.V.Maievskaja's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

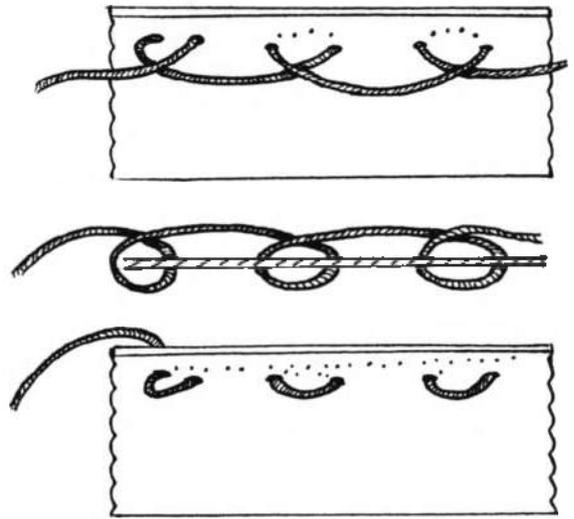

Рис. 18. Погребение 1. Штаны-шаровары. Реконструкция шва.

Fig. 18. Burial 1. Wide trousers. Reconstruction of a seam

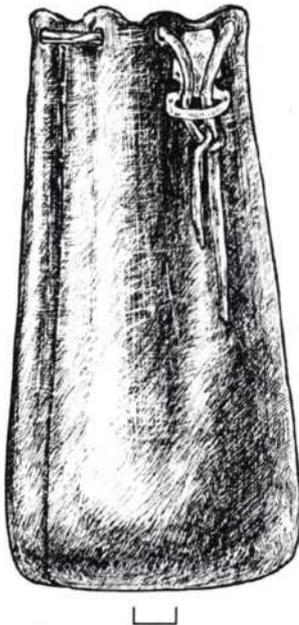

Рис. 19. Погребение 1. Сумочка-кисет. Реконструкция С.В.Маевской, рис. А.В.Коваленко, Т.В.Менчинской.

Fig. 19. Burial 1. A handbag-pouch. S.V.Maievskaja's reconstruction, A.V.Kovalenko, T.V.Menchinskaja's drawings

Рис. 20. Погребение 1. Петля-фиксатор. Кожа. Fig. 20. Burial 1. A loop-lock. Leather

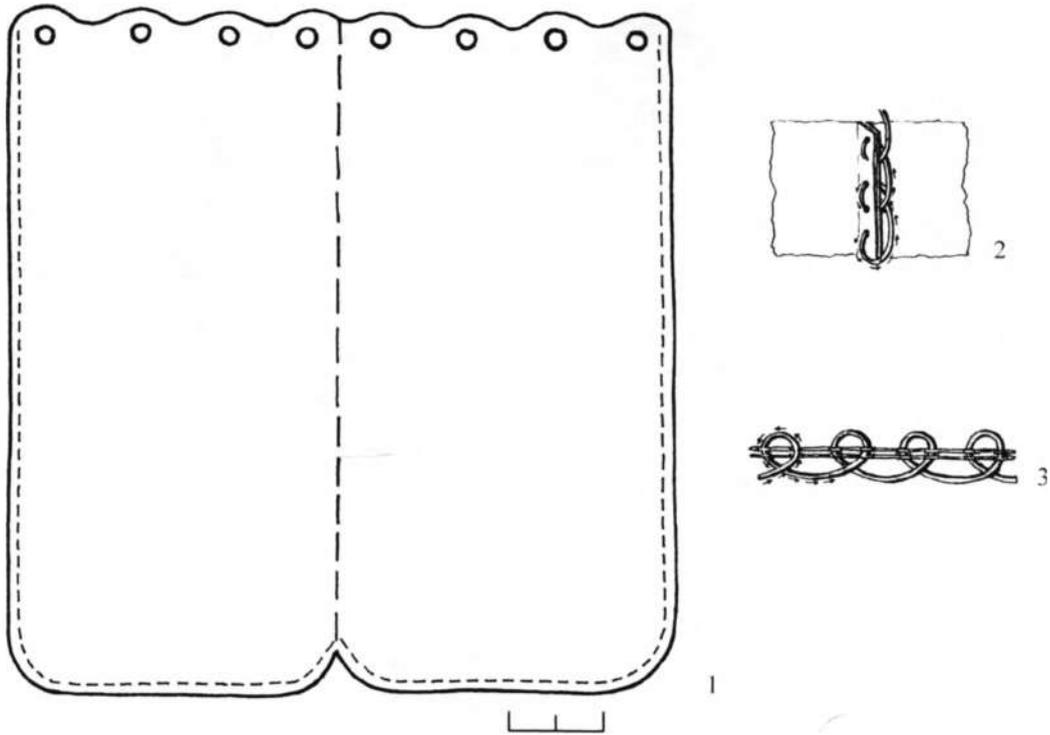

Рис. 21. Погребение 1: 1 – раскрой сумочки; 2, 3 – реконструкция шва. Реконструкция С.В.Маевской, рис. Т.В.Менчинской.

Fig. 21. Burial 1: 1 – the cutout of a handbag; 2, 3 – a reconstruction of a seam. S.V.Maievskaja's reconstruction, T.V.Menchinskaia's drawing

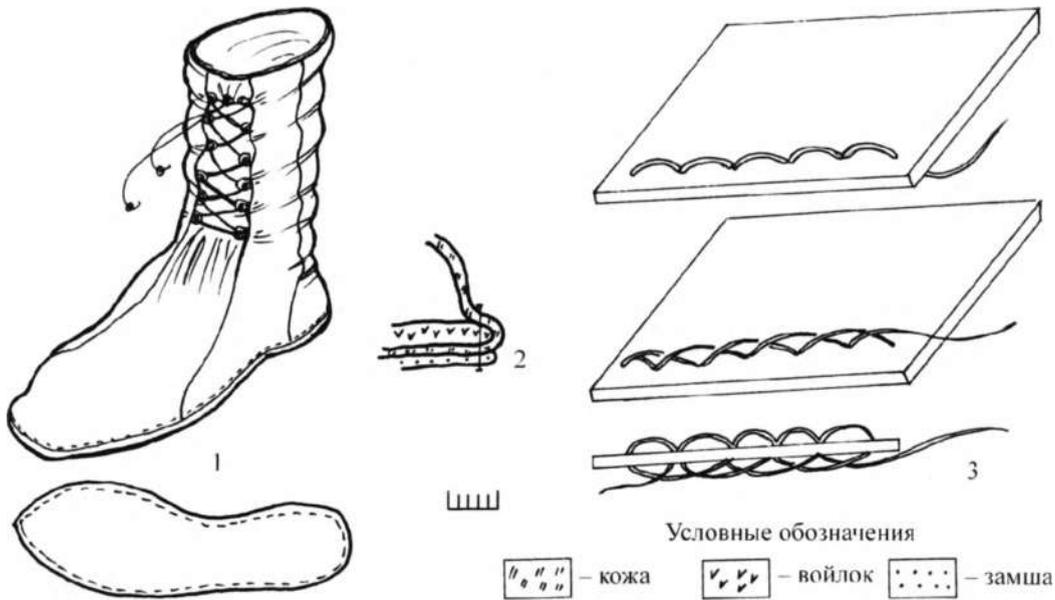

Рис. 22. Погребение 1: 1 – реконструкция внешнего вида обуви (полусапожки); 2 – схема сборки подошвы; 3 – швы на обуви (лицо, изнанка и разрез). Реконструкция С.В.Маевской, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 22. Burial 1: 1 – a reconstruction of the general view of the footwear (ankle boots); 2 – the scheme of a sole assembly; 3 – seams on the footwear (the right and the wrong side and a section). S.V.Maievskaja's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

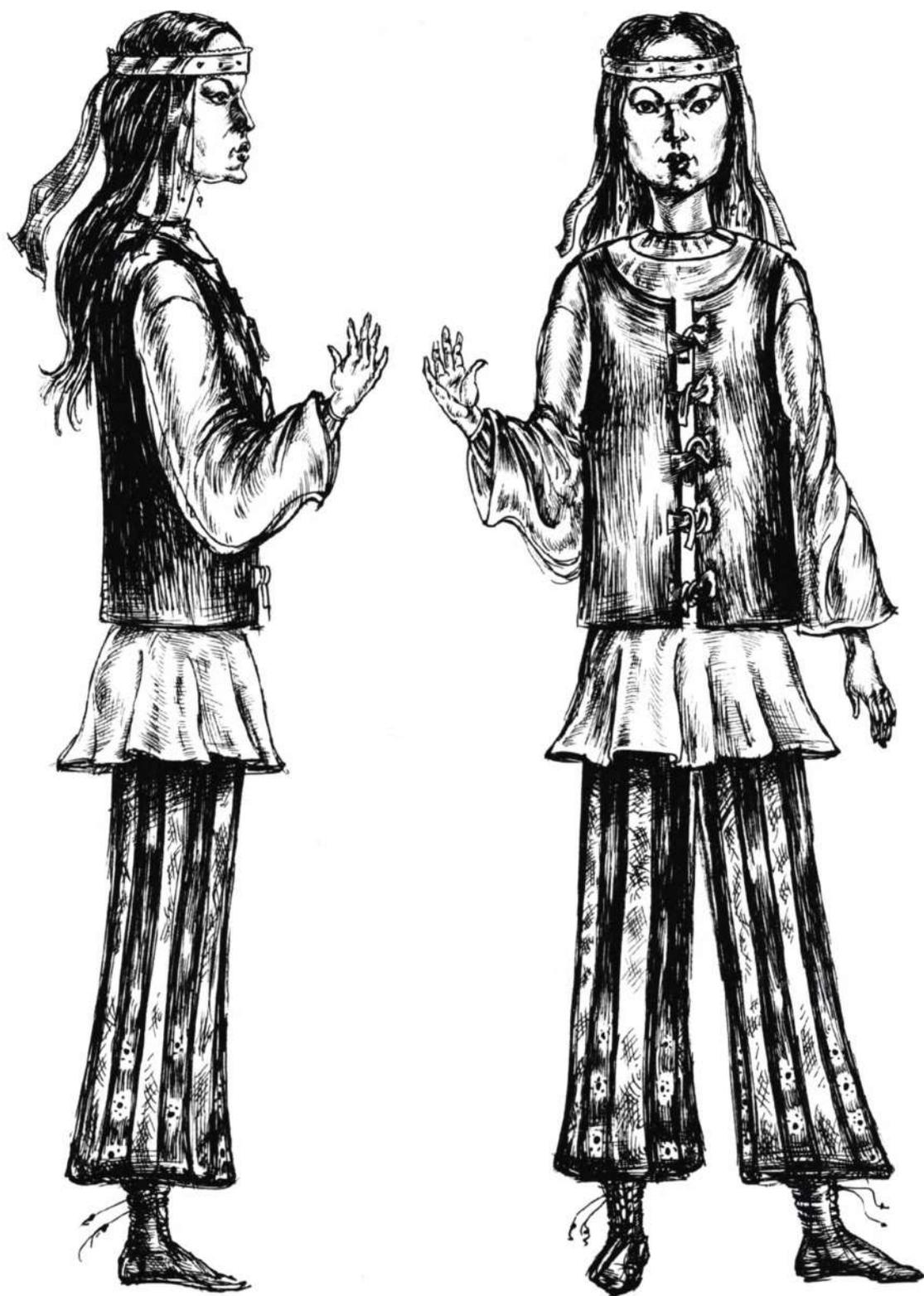

Рис. 23. Предварительный вариант реконструкции костюма девочки из погребения 1 кургана 9.
Реконструкция С.В.Маевской, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 23. A tentative variant of reconstruction of a costume of the girl from burial 1 of barrow 9.
S.V.Maievskaja's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 24. Общий вид детского костюма (окончательный вариант реконструкции). Реконструкция С.В.Маевской, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 24. A general view of the children costume (a final variant of reconstruction). S.V.Maievskaja's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 25. Реконструкции женских костюмов восточного типа XIV-XV вв. (по: Стамеров К.К., 1978 и материалам раскопок в окрестностях с.Волошино, 2005 г).

Fig. 25. Reconstructions of Oriental female costumes of the 14th-15th centuries (by Стамеров К.К., 1978 and based on the finds of excavation at the outskirts of Voloshino village, 2005)

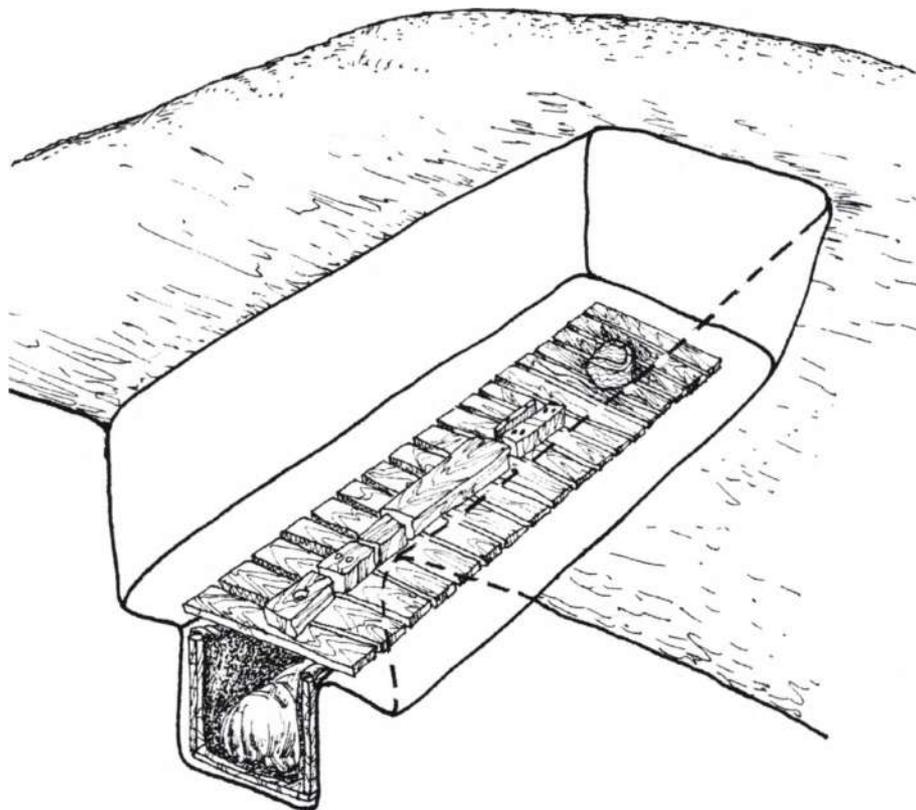

Рис. 26. Погребение 1. Реконструкция ямы и гробовища. Реконструкция А.Б.Супруненко, рис. А.В.Коваленко.

Fig. 26. Burial 1. Reconstruction of a grave pit and a coffin. A.B.Suprunenko's reconstruction, A.V.Kovalenko's drawing

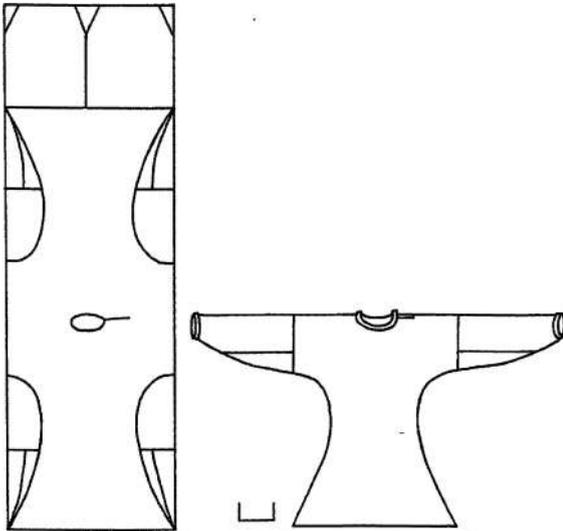

Рис. 27. Раскрой нижней бельевой рубашки.
Рис. С.В.Маевской.
Fig. 27. The cutout of an underwear shirt.
S.V.Maievskaja's drawing

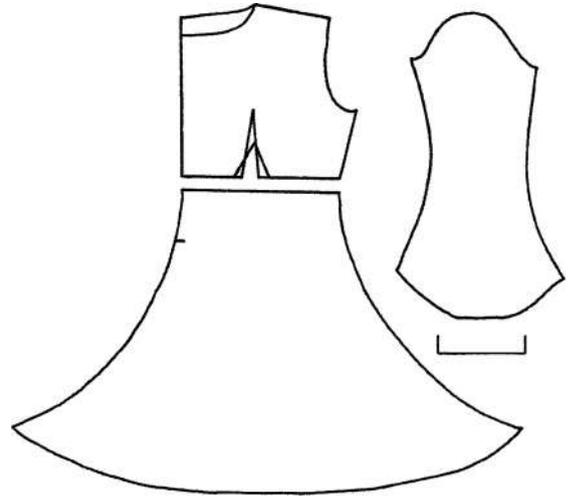

Рис. 28. Раскрой верхней рубашки-хамизы.
Рис. С.В.Маевской.
Fig. 28. The cutout of an outer shirt-khamiza.
S.V.Maievskaja's drawing

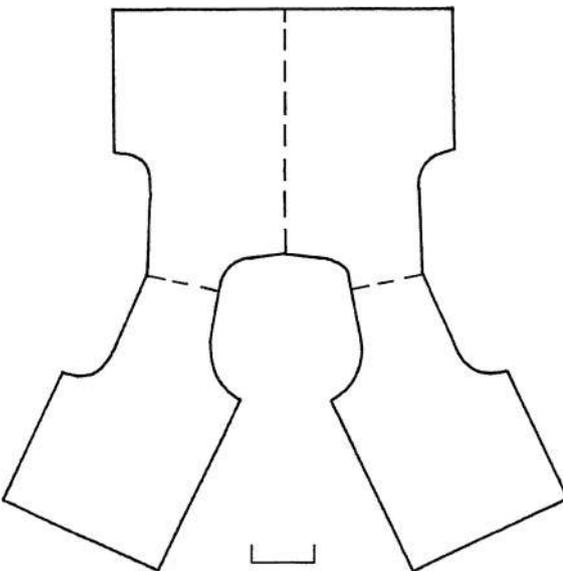

Рис. 29. Крой жилета. Рис. С.В.Маевской.
Fig. 29. The cutout of a waistcoat.
S.V.Maievskaja's drawing

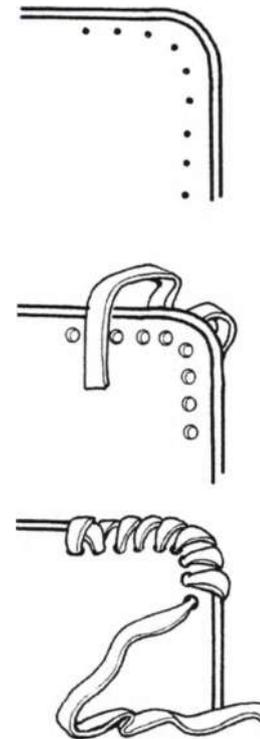

Рис. 30. Вариант оформления краев жилета.
Рис. А.В.Коваленко.
Fig. 30. A variant of design of waistcoat edges.
A.V.Kovalenko's drawing

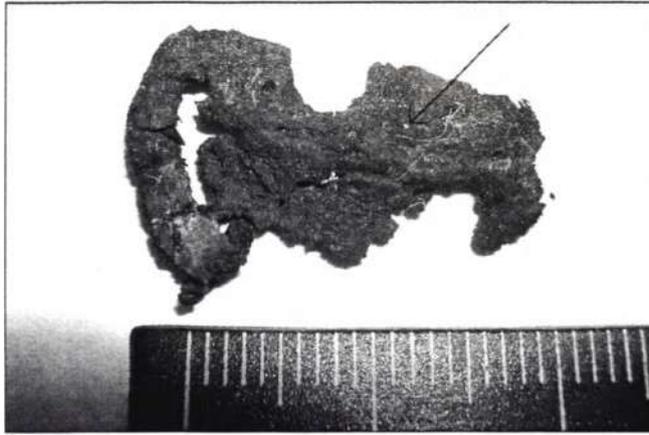

Рис. 31. Кожаная петля-фиксатор от сумочки, лицевая сторона (стрелка указывает на стержень заклепки). Фото Т.Н.Крупы.

Fig. 31. A leather loop-lock of a handbag, the right side (the arrow points to a rivet rod). T.N.Krupa's photo

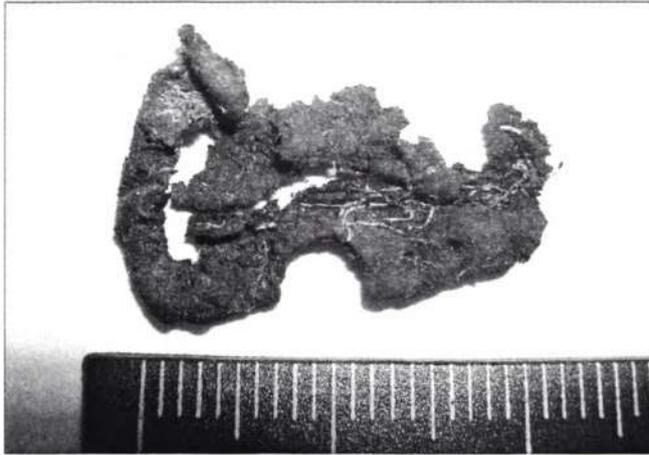

Рис. 32. Петля-фиксатор. Изнанка. Увеличение в 16 раз. Фото Т.Н.Крупы.

Fig. 32. A loop-lock. The wrong side. 16 times zoom. T.N.Krupa's photo

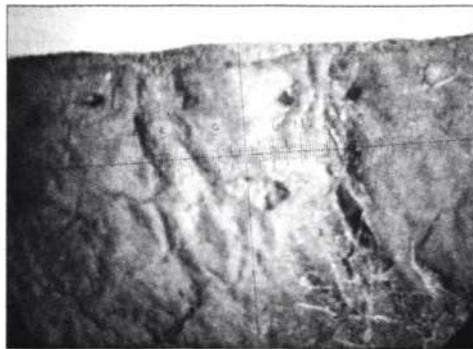

Рис. 33. Край сумочки с отверстиями от шва. Увеличение в 8 раз. Фото Т.Н.Крупы.

Fig. 33. The edge of a handbag with apertures of a seam. 8 times zoom. T.N.Krupa's photo

Рис. 34. Реконструкция головного убора. Кожа, шерсть, шелк. Рис. А.В.Коваленко.
Fig. 34. A reconstruction of a headdress. Leather, wool, silk. A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 35. Реконструкция нижней бельевой рубашки. Шелк. Рис. А.В.Коваленко.
Fig. 35. A reconstruction of an underwear shirt. Silk. A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 36. Реконструкция верхней нарядной рубашки. Шелк. Рис. А.В.Коваленко.
Fig. 36. A reconstruction of an outer dress shirt. Silk. A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 37. Реконструкция жилета. Кожа. Рис. А.В.Коваленко.

Fig. 37. A reconstruction of a waistcoat. Leather. A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 38. Реконструкция штанов-шаровар. Кожа, шелк. Рис. А.В.Коваленко.

Fig. 38. A reconstruction of wide trousers. Leather, silk. A.V.Kovalenko's drawing

Рис. 39. Реконструкция обуви – полусапожек. Кожа, замша, войлок, бархат. Рис. А.В.Коваленко.

Fig. 39. A reconstruction of footwear – ankle boots. Leather, chamois, felt, velvet. A.V.Kovalenko's drawing

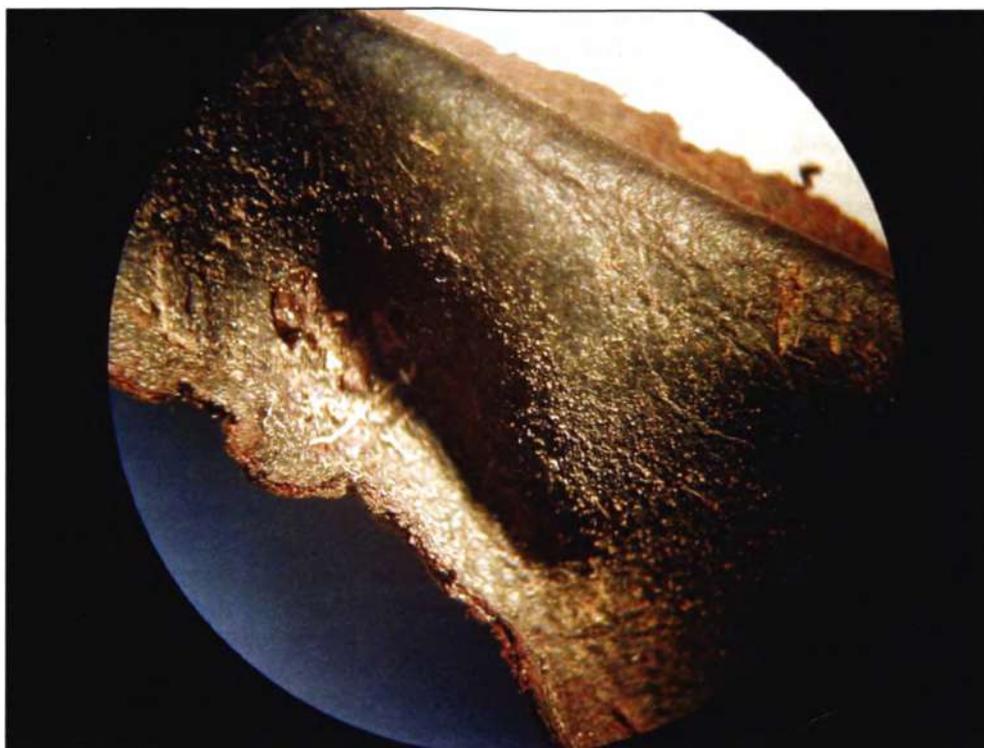

Рис. 40. Образец кожи шаровар. Увеличение в 8 раз. Фото Т.Н.Крупы.
Fig. 40. A sample of leather of wide trousers. 8 times zoom. T.N.Krupa's photo

Рис. 41. Образец кожи шаровар. Увеличение в 16 раз. Фото Т.Н.Крупы.
Fig. 41. A sample of leather of wide trousers. 16 times zoom. T.N.Krupa's photo

Литература и архивные материалы

- Алексеева Т.И., Бужилова А.П., Винников А.З., Волков И.В., Козловская М.В., Лебединская Г.В., Медникова М.Б., Цыбин М.В., 2002. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж.
- Артемьев А.В., 2002. Некоторые рекомендации к сбору и сохранению палеоантропологического материала (для последующего медицинского анализа)// АБУ 2000-2001 рр. Вип.4. К.
- Артем'єв А.В., Мироненко К.М., Супруненко О.Б., 2004. Обстеження золотоординських пам'яток на Полтавщині// АБУ 2002-2003 рр. Вип.6. К.
- Арутюнов С.А., 1989. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.
- Безверхий А.П., 1991. Средневековые кочевнические памятники Правобережья Днепра (по материалам экспедиции ДГУ)// Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
- Беляева С.А., 1982. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV вв.: (По материалам археологических исследований). К.
- Беляєва С., 2004. Дослідження 2003 р. та деякі питання хронології Очакова// Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Вип.13. К.
- Беляєва С.О., Кубишев А.І., 1995. Поселення Дніпровського Лівобережжя X-XV ст. (за матеріалами поселень поблизу сіл Комарівка та Озаричі). К.
- Білоусько О.А., Супруненко О.Б., Мироненко К.М., 2004. Середньовічна історія Полтавщини (V – I половина XVI ст.). Полтава.
- Боровский Е.В., Барышева Ю.Д., Максимовский Ю.М., 1988. Терапевтическая стоматология. М.
- Бубенок О.Б., 2004. Аланы-асы в Золотой Орде (XIII-XV вв.). К.
- Бужилова А.П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях// Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.
- Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., 2000. Предварительные итоги изучения памятников домонгольского времени в дельте Волги// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Виноградська Л.І., 1988. До питання про хронологію середньовічної кераміки з Новгород-Сіверського// Археологія. Вип.61. К.
- Головко Н.В., 2003. Ортодонтія. Розвиток прикусу, діагностика зубощелепних аномалій, ортодонтичний діагноз. Полтава.
- Голубовский П.В., 1881. История Северной земли до половины XIV в. К.
- Голубовский П.В., 1908. Историческая карта Черниговской губернии// Тр. XIII АС. Т.2. М.
- Горбенко С.О., 1994. Реконструкція за черепом зовнішнього вигляду золотоординця XIII ст. з поховання поблизу с.Шушвалівка Глобинського району Полтавської області// ПАЗ. Ч.2. Полтава.
- Горленко В.Ф., 1982. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII – первой половины XIX вв.// СЭ. № 3.
- Грушевський М.С., 1992. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т.2: XI-XIII віки. К.
- Грушевський М.С., 1995. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. Т.7: Козацькі часи – до року 1625. К.
- Дмитренко С.В., Краюшкин А.И., Сапин М.Р., 2000. Анатомия зубов человека. Москва; Нижний Новгород.
- Добролюбский А.О., 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. К.
- Довженко В.О., 1978. Среднее Поднепровье после монголо-татарского нашествия// Древняя Русь и славяне. М.
- Древний Новгород: Прикладное искусство и археология, 1985. Альбом/ Сост. Б.Колчин, В.Янин, С.Ямщиков М.
- Дульский П., 1928. Искусство казанских татар. М.
- Егоров В.Л., 1980. Золотая Орда перед Куликовской битвой// Куликовская битва. М.
- Егоров В.Л., 1985. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.
- Ельников М.В., 2001а. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы// Татарская археология. № 1-2 (8-9). Казань.
- Ельников М.В., 2001б. Средневековый могильник Мамай-Сурка. Т.І. Запорожье.
- Зарецкий И.А., 1912. Результаты пробной раскопки в урочище Мечеть, Кобелякского у// Тр. ПУАК. Вып. 9. Полтава.
- Зеленин Д.К., 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Зубов С.Э., 2000. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника// Культуры

- степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Иакинф**, 1851. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Санкт-Петербург.
- Иванов В.А.**, 2002. Убранство костюма кочевников Золотой Орды// АЛЛУ. № 1. Полтава.
- Иванов В.А., Кригер В.А.**, 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М.
- Иерусалимская А.А.**, 2000. Адыго-аланский костюм VIII-XI вв. на фоне общих проблем изучения средневекового костюма Запада и Востока// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Казачков Е.П.**, 2000. Об этнокультурной специфике костюма народов Урало-Поволжья в VI-X вв.// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Калашишникова Н.М.**, 1986. Одежда украинцев XVI-XVIII вв.// Древняя одежда народов Восточной Европы. М.
- Ключко Л.С.**, 1984. Верхній плечовий одяг у скіфів// Археологія. Вип. 47. К.
- Ключко Л.С.**, 1992. Скіфський жіночий костюм: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. К.
- Козак Д.Н., Козак О.Д.**, 2004. Поховання вельбарської культури з Хрінницького водосховища: Спроба біоархеологічного аналізу// Археологія. № 1. К.
- Колода В.В.**, 2000а. Новые исследования в Верхнем Салтове// АБУ 1994-1996 pp. К.
- Колода В.В.**, 2000б. О находке остатков обуви в Верхнем Салтове// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Крупа Т.М.**, 2000. Застосування методів природничих наук при дослідженні текстилю IV ст. до н.е. – IV ст. н.е. (за матеріалами Криму)// Археологія. № 3. К.
- Крупа Т.М.**, 2005. Дослідження археологічної органіки з поховання 1 кургану № 9 поблизу Волошиного// Супруненко О.Б., Артем'єв А.В., Маєвська С.В. Унікальний комплекс золотоординського часу поблизу Волошиного/Старожитності околиць Комсомольська. Київ; Полтава.
- Кулатова І.М.**, 2003. Про деякі старожитності пізньоскіфської доби у межиріччі Ворскли і Сули// АЛЛУ. № 2/2002-1/2003. Полтава.
- Культура і побут населення України**, 1991/ Наулко В.І., Артюх Л.Ф., Горленко В.Ф. та ін. К.
- Курбагов А.В.**, 2000. Культурные влияния Востока в кожевенном производстве средневековой Руси// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Кучера М.П.**, 1962. Древньоруське городище в хут.Миклашевському// Археологія. Вип. XIV. К.
- Кучера М.П.**, 1986. Кераміка// Археологія Української СРСР. Т.ІІІ. К.
- Куцевляк В.И.**, 2002. Детская терапевтическая стоматология. Балаклея.
- Лантратова О.Б., Голиков В.П., Орфинская О.В., Владимирова О.Ф., Егоров В.Л.**, 2002. Исследование уникальных археологических памятников из собрания Государственного исторического музея – комплексов одежд XIII-XIV вв. М.
- Луговая Л.Н., Мельникова И.С., Некрасова А.М.**, 1986. Отчет об археологических исследованиях разведотряда Полтавского краеведческого музея в составе ЛСРЭ ИА АН УССР на территории Полтавской области в 1986 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. № 24801.
- Ляскоронский В.**, 1897. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. К.
- Ляскоронский В.Г.**, 1907. Русские походы в степи в удельно-вечное время и поход князя Витовта на татар в 1399 году// ЖМНП. Май. СПб.
- Маєвська С.В.**, 2003. Зразки тканин та нетканих матеріалів з поховань Верхньо-Салтівського могильника IV// АЛЛУ. № 1. Полтава.
- Матейко К.І.**, 1977. Український народний одяг. К.
- Мироненко К.М., Шилов Ю.О.**, 2003. Золотоординські поховання на Кременчуччині// АЛЛУ. № 2. Полтава.
- Мокляк В.О., Морозко Д.В.**, 1992. Пізньокочівницьке поховання середини XIII – XIV ст. з околиць с.Шушвалівка Глобинського району// АЗ ПКМ. Вип.1. Полтава.
- Мюллер А.**, 2004. История ислама. Т.2. М.
- Недашковский Л., Ракушин А.**, 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища// Татарская археология. № 1(2). Казань.

- Ніколасва Т.М., 1994. Народна вишивка// Українознавство. К.
- Ніколасва Т.М., 1996. Історія українського костюма. К.
- Орфинская О.В., 2000. Аланский костюм VIII-IX веков (по материалам скальных могильников Карачаево-Черкессии)// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Падалка Л.В., 1914. Прошлое Полтавской территории и ее заселение: Исследование и материалы. Полтава.
- Плетнева С.А., 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях// МИА. № 62.
- Плетнева С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып.Е4-2.
- Плетнева С.А., 2003. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV-XIII века). Воронеж.
- Полякова Г.Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов// Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Пономарев Д.Ю., 2001. Палеопатогеография мочекаменной болезни в Крыму в античную и средневековую эпохи// Боспорские исследования. Т.1. Симферополь.
- Пономарев Д.Ю., 2004а. Демографическая ситуация и эпидемиология болезни Бехтерева-Штрюмпеля-Мари в палеопопуляции "Эльтинген-1"// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы/ Сб. науч. материалов V Боспорских чтений. Керчь.
- Пономарев Д.Ю., 2004б. Особенности палеопатологического исследования антропологических материалов из некрополей приморских регионов (на примере азово-черноморского бассейна)// Боспорские исследования. Т.V. Симферополь; Керчь.
- Поландопуло З.Х., 2002. Средневековые зеркала городища Большие Кучугуры// Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т.Х. Запоріжжя.
- Приймак В.В., 2003. Північний Схід Дніпровського Лівобережжя після монголо-татарської навали// Археологія та історія Північно-Східного Лівобережжя (I – початку II тисячоліття). Суми.
- Путешествие в восточные страны Платона Карпини и Вильгельма Рубрука, 1957. М.
- Радочин В.Ю., 2004. Информативность костных останков// Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Этнические процессы/ Сб. науч. материалов V Боспорских чтений. Керчь.
- Руденко К., 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан// Золотая Орда: Археология, нумизматика, искусство. Золотоордынский город и Дашт-и-Кипчак. № 1-2 (12-13). Казань.
- Рудинський М., 1928. Археологічні збірки Полтавського музею// Збірник, присвячений 35-річчю Музею. Т.1. Полтава.
- Русина О.В., 1998. Україна під татарами і Литвою. К.
- Сафаргаліев М.Г., 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
- Сидоренко О.В., Супруненко О.Б., 2005. Знахідка золотоординського дзеркала під Лубнами// АЛЛУ. № 1-2. Полтава.
- Стамеров К.К., 1978. Нариси з історії костюмів. Ч.1. К.
- Стан М.А., 1994. Зі щоденникових записів (1941 р.)// ПАЗ. Ч.2. Полтава.
- Старожитності околиць Комсомольська, 2005. Київ; Полтава.
- Стахов Н.П., Стахов Т.А., Дихтяр С.А., 2001. Музей Полтавського ГОКа. Комсомольський історико-краєведческий музей: [Фотопутеводитель]. Комсомольск.
- Супруненко А.Б., 1983. Отчет о разведках и охранных раскопках на территории Полтавской области разведотряда Полтавского краеведческого музея в 1983 г.// НА ИА НАНУ. 1983/63. Ф.е. № 20869.
- Супруненко О.Б., 1984. В урочищі Мечеть// ПУ. № 2. К.
- Супруненко О.Б., 1998. "Мечеть". Могильник золотоординського часу// Полтавщина: Енциклопедичний довідник. К.
- Супруненко О.Б., Артем'єв А.В., Маєвська С.В., 2005. Унікальний комплекс золотоординського часу поблизу Волошиного// Старожитності околиць Комсомольська. Київ; Полтава.
- Супруненко О.Б., Кулатова І.М., за участю Артем'єва А.В., Маєвської С.В. та Мироненка К.М., 2003-2004. Звіт про археологічні дослідження на території землевідводу Єриствівського родовища залізистих кварцитів ВАТ "Полтавський Гірничо-збагачувальний комбінат", поблизу с.Волошине Дмитрівської сільської ради Комсомольської міськради та с.Ємці Пришибської сільської ради Кременчуцького району Полтавської області у 2003-2004 рр.// НА ИА НАНУ.
- Супруненко О.Б., Кулатова І.М., за участю Маєвської С.В., 2004. Кургани поблизу Волошиного у пониззі Псла: Група курганів III// АЛЛУ. № 1-2. Полтава.

- Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М., 2003. Звіт про археологічні обстеження ділянки землевідводу Єрствівського родовища залізистих кварцитів та під розширення Західних відвалів Дніпровського рудоуправління ВАТ "Полтавський Гірничо-збагачувальний комбінат", на землях Дмитрівської і Пришибської сільських рад Кременчуцького району та Комсомольської міської ради Полтавської області у липні 2002 і квітні 2003 рр.// НА ІА НАНУ.
- Супруненко О.Б., Кулатова І.М., Мироненко К.М., 2004. Старожитності околиць Комсомольська // АЛЛУ. № 1-2. Полтава.
- Супруненко О.Б., Маєвська С.В., 2005. Костюм дівчинки-кочівниці XIV ст.// Дизайн, архітектура, образотворче мистецтво, археологія. Вип.2. Полтава.
- Супруненко О.Б., за участю Маєвської С.В., Артем'єва А.В., Горбенка С.О., 2006. Кургани з похованнями золотоординського часу поблизу Волошиного у пониззі Псла. Київ; Полтава.
- Супруненко О.Б., Мироненко К.М., 2003. Археологічна предтеча козацької доби: Пам'ятки золотоординської епохи на Полтавщині// Переяславська Рада 1654 року: історія і наслідки/ Матеріали регіональної науково-теоретичної конференції. Полтава.
- Супруненко О.Б., Приймак В.В., Мироненко К.М., 2004. Старожитності золотоординського часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя. Київ; Полтава.
- Сухарева О.А., 1954. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии// Тр. Института этнографии. Т.21. М.
- Сухобоків О.В., 1992. Дніпровське Лісостепове Лівобережжя у VIII-XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень 1968-1989 рр.). К.
- Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1. СПб.
- Толочко П.П., 1999. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоординских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда// Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Федоровський О., 1928. Рештки культури татар Золотої Орди на Україні// Східний світ. № 2. Харків.
- Фехнер М.В., 1989. Ткани// Культура Византиї. М.
- Шабильдо Ф.М., 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К.
- Шалобудов В.Н., Яремак В.Н., 1985. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р.Волчьей// Проблемы археологии Поднепровья. Вып.2. Днепропетровск.
- Шиллов Ю.А., 2005. Что бог дал. К.
- Шутова Н.И., 2000. Женская одежда населения бассейна Чепцы в конце I тыс. н.э. (опыт реконструкции)// Культуры степей Евразии второй половины I тыс. нашей эры (из истории костюма). Тезисы III Международной археологической конференции. Самара.
- Щавинский А.В., 1935. Очерки по истории живописи и технологии красок в Древней Руси. М.; Л.// <http://sweetukraine.narod.ru/odyag/odyag1.html>.
- Щербаковский В.М., 1913. Раскопки в урочище "Мечеть" возле м.Кишеньки Кобелякского уезда, Полтавской губ.// Ежегодник Естественно-Исторического Музея Полтавского губернского земства. Т.1. Полтава.
- Эварницкий Д.И., 1907. Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии// Тр. XIII AC. Т.1. М.
- Eryka Lassoty i Wilhelma Beauplana, 1972. Opisy Ukrainy/ Pod red. Wyjéka Z. Warszawa.

Summary

A.B.Suprunenko, S.V.Maievskaja (Poltava, Ukraine)

GOLDEN HORDE TIME BURIAL WITH REMAINS OF COSTUME OF NOMADIC GIRL FROM LOWER PSIOL

The paper is a supplemental version of the author's translation into Russian of the monograph "Unique complex of the Golden Horde time near Voloshine" (2005) originally written in Ukrainian which presented the finds of a complex interdisciplinary research of a unique burial of a child from barrow 9 near Voloshino village in the Lower Psiol area in Poltava province in which the remains of a textile-leather costume, footwear,

handbags, separate accompanying objects of inventory, and fragments of a horse-drawn vehicle were preserved.

The reconstructed elements of a textile-leather costume of a girl-nomad from the Golden Horde time permit us to get an idea of children's clothes and footwear of this epoch. This would be the first time for such antiquities from the 14th century steppes. The components of the attire comprise a functionally expedient and aesthetically completed "dress" costume of a child. A new scholarly grounded reconstruction of a costume considerably expands our notions of the clothes of the Golden Horde epoch.

An odontologic research of bone remains gives an idea of the health of children and the adult population of the forest-steppe area on the left bank of the Dnieper, as well as some data about medical knowledge and facilities at the time.

Статья поступила в редакцию в январе 2007 г